

АДЕЛЬ ХАЙД

ИСТОРИЯ
УРЭН
КНИГА 1 ОТРИЦАНИЕ

Адель Хайд

История Ирэн 1. Отрицание

<https://litres.ru/74228737>

SelfPub; 2026

Аннотация

В результате смертельной аварии Ирина, успешная деловая женщина, попадает в альтернативную реальность, на дворе начало девятнадцатого века, теперь она баронесса. Но как выжить в другом мире, если ты никому не нужна и поступки твоей предшественницы сделали жизнь невыносимой? Получится ли всё изменить?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	39
Глава 5	52
Глава 6	62
Глава 7	72
Глава 8	84
Глава 9	90
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Адель Хайд

История Ирэн 1. Отрицание

История Ирэн

Любые совпадения по тексту романа с реально существовавшими историческими персонами случайны. Это авторская версия альтернативной реальности.

Глава 1

20 декабря 181... года

— Ты уверен, Серж? — ещё раз спросил император Александр III.

Барон Сергей Виленский, с которым император дружил ещё с лицейской скамьи, поднял голову, как будто только очнулся от других мыслей, и вместо ответа поинтересовался:

— Прости, Алекс, ты о чём-то говорил?

— Я спросил, уверен ли ты, что хочешь развестись с Ирэн? — терпеливо повторил император, понимая, что друг, который тянул с этим решением вот уже почти два года, до сих пор не восстановился после предательства жены.

— Да, думаю, что да, — всё-таки ответил Сергей и взял бокал со столика, за которым друзья часто собирались в конце дня, чтобы обсудить то, что не предназначалось для чужих ушей.

Барон отпил вина и продолжил:

— Если ничего не изменилось за два года, то надо дать ей возможность получить ту фамилию, которую она хочет.

— Я рад, Серж, я рад, что ты наконец решился! — с воодушевлением воскликнул император. — Я сейчас же подпишу прошение — и всё. Тебе пора начать новую жизнь, без Ирэн. Оглянись вокруг, есть много девушек, готовых составить тебе партию.

Молодые люди не знали, что маховик судьбы уже начал раскручиваться. У судьбы были свои планы...

20 января 201... года

Народу в электричке было немного, а с горнолыжным снаряжением — только одна пара, сидящая в другом конце вагона.

Ирина сидела с планшетом, но экран его был тёмным. Она полностью погрузилась в воспоминания, как всё начиналось несколько лет назад, и почему она снова едет праздновать свой день рождения одна.

Конечно, её ждут друзья. Институтская подруга, которая замужем за парнем из их «институтской шайки», и ещё одна, ещё школьная, живущая и сейчас в Новосибирске. Вот эта не замужем, но каждый раз приезжает не одна. А Ирина вот снова одна, хотя в прошлый раз клятвенно обещала, и себе в том числе, приехать с мужиком.

Вдруг поезд дёрнулся, послышался жуткий металлический звук, и всё поплыло как в дурном сне. Ирина упала с кресла на пол, подняла голову и увидела, как сминаются кресла в начале вагона.

Всё происходило словно в замедленной съёмке, звуки пропали, и в полной тишине на Ирину полетел ком из кресел, людей, багажа и металла.

Пришла мысль: «Ерунда какая-то, этого не может быть, это сон...»

Короткая боль... Темнота...

За несколько часов до аварии

— Ирина Вячеславовна, Ирина Вячеславовна, подождите, пожалуйста. Нам с вами необходимо ещё обсудить возможность проведения аудита завода компанией «Шлезингеник». Они хотят начать покупать ваши базы, но для окончательной квалификации им нужен аудит.

Ирина опаздывала на самолёт, она уже и так задержалась практически на час. Директор завода, принадлежащего компании Ирины Вячеславовны Лопатиной, приехал в центральный офис и буквально «поймал» её в дверях.

— Рустам, дорогой, неужели ты, директор завода, не можешь решить этот вопрос сам? — она злилась, так как всегда была уверена, что форс-мажор возникает только если кто-то что-то «прошляпил».

Ирина редко позволяла себе отдохнуть, но этот пятидневный отпуск в январе считала обязательным. Отпуск совпадал с её днём рождения, и она вот уже пятый год отмечала его в горах, резво скатываясь на лыжах. Все близкие друзья уже собрались на курорте, ждут только её, день рождения завтра, а она никак не может выйти из офиса!

— Рустам, если нужен аудит, пусть делают. В конце концов, ты директор завода, уполномочен принимать такие решения, — резко сказала Ирина, хотя обычно редко позволяла говорить с сотрудниками таким тоном, и с сумкой напе-

ревес пошла на выход из кабинета.

— Ирина Вячеславовна, так они везут с собой представителей косметического Союза, а вы уже давно хотели с ними встретиться. Вот список лиц для оформления пропусков, только сегодня скинули, — Рустам передал ей отпечатанные на листке имена и, перегородив дверь, добавил: — Завтра приезжают.

Ирина поняла, в чём засада. Обычно такие аудиты обговариваются заранее, но здесь, скорее всего, сыграл тот фактор, что она вышла на рынок Европы с химическими базами натуральных ингредиентов для косметики, где безраздельно властвовали промышленные гиганты. Кому-то очень не хочется, чтобы частная компания из России поставляла это сырьё. Вот она, хвалёная «честная конкуренция».

— Рустам, — Ирина приняла решение, что даже этот аудит не повлияет на её планы. — Сейчас мы с тобой посмотрим план аудита, и ты его сам проведёшь, так же, как и переговоры с представителями Союза.

Рустам понял, что «сопротивление бесполезно», и полез доставать бумаги из портфеля.

Пока обсуждали план аудита и стратегию переговоров, прошло ещё два часа, и на самолёт Ирина опоздала. Хорошо, что оставался ещё один рейс, последний на сегодня.

Вера, бессменный ассистент Ирины вот уже третий год, поменяла билет и выяснила, что можно успеть на последнюю электричку. Ирина всегда ездила на электричке от аэропор-

та, не любила таскаться на машине по серпантину, особенно в темноте. Лучше уж на поезде — надёжнее и безопаснее.

Долетела нормально, самолёт был полупустой: конечно, дураков в ночи добираться до курорта нет, все стараются приехать пораньше. Загрузилась в вагон, народу было немного. Какая-то влюблённая парочка, тоже с горнолыжным снаряжением — в начале вагона, пожилая дама с баулом — посередине. Ирина устроилась в конце вагона, достала планшет и приготовилась провести следующие тридцать минут за чтением романчика. Всё, отпуск начался.

В голову лезли разные мысли.

«На этой неделе мне будет уже тридцать два, — думала Ирина, тщетно пытаясь вчитаться в сюжет романа. — Кажется, что совсем немного, хотя мама думает по-другому. Ну что поделаешь, некогда мне заниматься личной жизнью. Маме же не объяснишь, что невозможно совмещать собственное дело и семью. Семья — это тоже проект, и, к сожалению, для этого проекта формулы не предусмотрены».

Химию Ирина знала не очень хорошо, хотя именно на этом и был основан её бизнес. Изначально она увлекалась физикой. Ещё в школе, выиграв всероссийскую олимпиаду по физике, она поступила в МАИ (Московский авиационный институт) на факультет металлургии, тем самым исполнив мечту отца, потомственного металлурга. Закончила институт с красным дипломом. После честно пыталась прижиться в одном из московских НИИ, но ей было скучно.

В школе Ирина увлекалась изготовлением различных косметических средств. И дома, в свободное от работы время, снова начала делать средства для ухода. Сначала просто так — для подруг, потом стали приходить заказы. Через «са-рафанное радио» открыла свою страничку в соцсети. В какой-то момент стало ясно, что спрос есть, а с объёмами на домашней кухне ей не справиться, и Ирина поехала искать, где можно наладить производство по её рецептам.

В Твери нашла небольшой цех, где раньше делали вазелин, производство хирело и было убыточным. Ирина начала размещать там заказы, и тверские ребята стали выпускать продукцию под её брендом. Ирина ушла с работы и полностью погрузилась в свой бизнес.

Вскоре она поняла, что может больше. Ей было интересно разработать косметическую базу — то, что занимало в себестоимости «львиную долю», потому как закупалось исключительно за границей. Она начала экспериментировать, и вскоре у неё получилось.

Собственно, именно с этим продуктом и началось становление компании Ирины. Теперь на неё работало почти тысяча человек, она построила большой завод и вышла на зарубежные рынки.

21 января 181... год. Москов, столица Стоглавой империи

Первым чувством была боль. Сильно болела голова и под-

ташнивало. Глаза открывать не хотелось, было ощущение, что на веках лежит по бетонной плите. Ирине казалось, что она не ощущает ничего, кроме головы.

Попробовала шевельнуть рукой или ногой, но не удалось.

«Неужели я стала инвалидом?» — на Ирину навалилась безысходность, хотелось завывать. Она очень хорошо помнила, как её бабушку парализовало, и они с мамой за ней ухаживали. Бабка была человеком деятельным, поэтому сильно страдала от неподвижности и в некоторые моменты умоляла о смерти.

Ещё Ирина ощущала запах. Пахло больницей — так, как обычно пахнет в медицинских кабинетах — каким-то лекарством и бумагами.

«Странно, что такая тишина, или я всё-таки умерла?» — вспомнила Ирина летящий в её сторону ком из железа.

Она попыталась сделать вдох. Казалось, что получилось не сразу, но после того как вдох был сделан, Ирина стала различать звуки и слышала разговор. Говорили мужчина и женщина.

Женщина, по голосу пожилая, с жалостью произнесла:
— Такая молодая — и такая смерть...

Мужской голос, наоборот, чётким и деловым тоном спросил:

— Были у неё какие-то документы?

— Были, были. Вот, с ней сумочку принесли, — суетливо ответила пожилая женщина.

Раздалось шуршание, как будто что-то доставали и раскладывали на столе. Потом мужской голос произнёс:

— Ирэн Виленская, баронесса.

Внезапно голову Ирины прорезала резкая боль, и она застонала. Шуршание сразу прекратилось, и вскоре Ирина почувствовала, как кто-то пытается нащупать у неё на шее пульс.

Она попыталась открыть глаза и увидела склонившегося над ней мужчину. Он был одет в белый халат, но при этом имел вид какого-то писателя: на лице было пенсне, небольшая бородка, да и вообще, в целом, он ей напомнил Антона Павловича Чехова. Видимо, из-за бородки, да ещё потому что под расстёгнутым халатом виднелся жилет, надетый на рубашку, с повязанным сверху шейным платком.

— Да как же так-то? — заохала пожилая женщина, когда увидела, что Ирина открыла глаза. — Живая, голубушка, ох ты ж.

— Да-с, интересный случай, — произнёс... врач, и уже обращаясь к пожилой женщине, добавил: — Марфа, принеси воды для мадам.

Потом взял стул, поставил рядом, присел, взял Ирину за руку.

— Вы как себя чувствуете, сударыня? — задал вопрос, продолжая ощупывать руку.

Она попыталась ответить, но изо рта послышался только невнятный хрип.

Между тем доктор взял другую руку и тоже стал разминать пальцы. Ирина сообразила, что после манипуляций доктора в руках началось небольшое покалывание, она снова попыталась сказать, но опять ничего не вышло.

Вскоре подошла Марфа, и доктор попробовал приподнять Ирину, чтобы она попила воды. С большим трудом, но это у него получилось.

После воды стало немного легче, и Ирине удалось «выдавить» из себя вопрос:

— Где я?

— Вы на вокзале, сударыня, в привокзальном медицинском кабинете, — пояснил доктор.

Видя, что Ирина снова пытается что-то спросить, доктор сказал:

— Вам, голубушка, сейчас поспать надо. Я вас на ночь здесь оставлю, Марфа за вами присмотрит, а завтра обо всём и поговорим.

Ирина и вправду чувствовала себя так, будто её поезд переехал, и как только голова опустилась на подушку, сразу же уснула.

Ей снилась женщина. Приятная, молодая, полноватая брюнетка с выразительными глазами, старинной причёской, в длинном синем платье с небольшим декольте, украшенном кружевами. Она сидела за столом в большой светлой комнате и пила что-то из изящной чашки.

Вот к ней подошёл человек, одетый как в старинном ро-

мане, с подносом в руках, на котором лежала записка или письмо. Женщина взяла письмо, рукой отослала человека и после этого открыла и начала читать.

Внезапно лицо её преобразилось, рот некрасиво открылся в беззвучном крике. Она сжала письмо в кулак и отбросила его как ядовитую змею, потом встала, как-то напряжённо вытянувшись, лицо её побелело, и она упала.

Потом Ирина видела, как та же женщина, но уже одетая в шубку, шла явно по вокзалу. Она приблизилась к путям, где было довольно многолюдно, и остановилась у края платформы. Беспомощно обернулась в сторону, откуда двигался поезд.

Ирина отчётливо видела её лицо, на нём не было слёз — только выражение, которое невозможно описать. Какая-то мрачная решимость?

Поезд показался Ирине странным, потому как впереди ехал... паровоз, кажется, так это называлось лет сто назад. Чёрный дым из трубы, чёрного цвета и сам паровоз. Ирина услышала, как поезд издал сигнал, и в следующий момент увидела, как женщина, перекрестившись, бросилась на пути перед приближающимся паровозом.

Ирина проснулась от того, что сердце её колотилось часто-часто, и поняла, что ей обязательно надо узнать несколько вещей: где она, что произошло, кто эта женщина! Она просто больше не может находиться в неведении. Её сейчас разорвёт, и, как назло, снова начала болеть голова.

Рядом с кроватью на стуле прикорнула Марфа. Ирина отметила, что наряд санитарки тоже какой-то старинный, или, может, она в монастыре? Недавно видела по телевизору, там монахини в своей лечебнице в таких ходили.

Не выдержала, и из горла вырвался стон.

Марфа сразу вскочила.

— Что, барынька? Водички?

Кивнула в ответ, и Марфа, шаркая тапками, вышла из комнаты.

Ирина осмотрелась. Прежде всего её поразили высоченные потолки, да ещё лепнина, которой были украшены стены на высоте потолка. Окна в комнате тоже были большие, но с того места, где Ирина лежала, она не видела, что за ними, тем более что окна были занавешены белыми занавесями.

Осмотрев себя, заметила, что она уже не в платье, а в белой полотняной рубаше, довольно простой.

Подошла Марфа с водой и, видимо, заметив, что Ирина рассматривала рубашу, извиняющимся тоном произнесла:

— Ты уж не серчай, барынька. Что ж тебе, в платье-то грязном спать? Я нашу Марысю кликнула, и мы тебя переодели.

«Как же это я так крепко заснула, что меня переодевали, а я даже и не заметила?» — подумалось Ирине.

Марыськой оказалась юродивая женщина, жившая тут же, при лазарете. Силы была немеряной, а умом, что у пятилетнего ребенка. Так Ирине объяснила Марфа.

Марфа предложила ей поесть, но Ирину до сих пор подташнивало, и она решила ограничиться водой.

— Ну лежи ещё, барынька, скоро уже придёт Кирилл Мефодьевич и скажет, можно ли тебе домой, — голос Марфы звучал как будто колыбельная, но Ирина нашла в себе силы спросить:

— А где я?

Марфа тут же заохала:

— Ох ты ж, болезная, сильно головой-то ударилась. Здесь, у нас на вокзале, в столице.

Ирина ещё больше запуталась, но решила уточнить:

— В какой столице?

— Так понятно, в какой. Москов-город наша столица называется, почитай уже пять сотен лет.

Ирину царапнуло.

— Как пять сотен лет? А год-то сейчас какой?

— Так понятно, какой. Одна тысяча восемьсот... — с гордостью ответила Марфа, мол, смотрите, какая умная, всё бабка знает.

Ирине показалось, что всё закрутилось вокруг, стало резко не хватать воздуха, и она провалилась в обморок.

Глава 2

22 января 181... года

Доктор Кирилл Мефодьевич всегда приходил на работу рано. Обычно день начинался с чашки кофея, который он пил с начальником железнодорожного вокзала господином Прицыгайло Прохором Порфирьевичем. Но сегодня доктор сразу поспешил к себе в кабинет, надо было разобраться с женщиной, баронессой, как там её, Виленской.

Вчера он чуть было не совершил самую грубую докторскую ошибку — признал даму скончавшейся. Хорошо, что не успел вызвать людей из мертвецкой. Вот бы позору было, кабы дама по дороге в мертвецкую в себя пришла.

Хорошо, что Прохор Порфирьевич заметил, что дама непростая, одета богато, в драгоценностях, что надо бы документы вначале посмотреть. И людей выделил, спаси его Господь, отнесли болезную к нему в кабинет.

— Так-с, как наша пациентка? — громко и жизнерадостно произнёс мужской голос, вырывая Ирину из полудрёмы, в которой она находилась.

Марфа торопливо начала рассказывать.

Вскоре доктор, уже переодетый в белый халат, подошёл к кровати, на которой лежала Ирина, сел, сложил руки на животе и сказал:

— Ну что ж, голубушка. Рассказывайте, как вы себя чувствуете?

Ирина честно призналась, что её тошнит, есть спутанность памяти, но в целом жива — и хорошо.

— Давайте мы вас отправим домой, голубушка, — предложил всё так же по-доброму улыбающийся доктор и добавил: — К мужу.

«У меня что, муж есть?» — в панике пронеслось в мозгу у Ирины, но она предпочла не задавать этот вопрос вслух.

Знаками показала, что хочет пить, и доктор помог ей прилечь, подав кружку с водой.

Глотнув воды, Ирина всё-таки решилась задать вопрос:

— Марфа сказала, что сейчас 181... год, это правда?

— Да, голубушка, сегодня 22 января 181... года от Рождества Христова.

— А я?

— А вы, голубушка, баронесса Виленская Ирэн, двадцати шести лет отроду, и сейчас Марфа принесёт вашу одежду. Не волнуйтесь, её отчистили, как новая. И поедете домой. К мужу, к нянькам. Отлежитесь, и всё пройдет. И в другой раз будьте внимательны на перроне, когда народу много, очень опасно.

— Я...

— Да, голубушка, — доктор, похоже, читал мысли и отвечал на вопросы прежде, чем Ирина успевала их задавать. — Вас толкнули, и вы упали прямо на рельсы. Хорошо ещё,

что машинист поезда успел затормозить, и вся ваша проблема только в ушибе головы, но это пройдёт. Я вам как доктор говорю.

Марфа принесла одежду. Помогла Ирине одеться. Одежда тоже была девятнадцатого века: длинное платье, нижние юбки, завязки по бокам, хорошо, что без корсета. Хотя, пока Марфа помогала одеваться, Ирина успела заметить, что фигура её стала не такой подтянутой, какой была. Живот рыхловатый, а не пресс человека, который каждый день стоит в планке по четыре минуты. Бока несколько кругловаты, ляжки тоже. Нет, она сейчас не была толстой, скорее, оценила бы свою фигуру как поплывшую. Не критично, но если ты привык к другому, то неприятно.

Ирина чувствовала, что доктор спешит от неё избавиться. «Ну что ж, если я действительно «попала» и теперь баронесса, то посмотрим, что там за муж. Возможно, не всё так и плохо», — подумала она.

Выйдя на улицу, Ирина увидела ожидавшего её извозчика. Доктор, надо отдать ему должное, проводил её прямо до возка, помог подняться, передал сумочку с документами и вежливо попрощался, попросив больше так не рисковать.

Примерно через двадцать минут извозчик остановился около богато украшенных ворот. Это было кстати, потому как Ирина уже начала замерзать, и её сильно укачало. Скорее всего, сотрясение мозга, думала она, иначе бы так сильно не тошнило.

Извозчик помог Ирине выбраться из возка и постучал в ворота. Потом поклонился, вспрыгнул на козлы и уехал, а она осталась стоять возле ворот.

Вскоре выскочил парень в распахнутом полушубке и открыл прятавшуюся в створках калитку. Сначала замер, глядя на Ирину, потом как будто спохватился и, поклонившись, махнул рукой, мол, заходите.

Ирина зашла на просторный двор и, понимая, что, вероятно, баронесса должна здесь хорошо ориентироваться, сразу направилась к высоким ступеням, расположенным перед большой резной дверью.

Не успела подняться на последнюю ступеньку, как дверь распахнулась, и она увидела одетого в очень красивую либрею дядьку. Дядька был не молод, лет под пятьдесят, с огромными седыми бакенбардами, прямой спиной и в камзоле насыщенного зелёного цвета с серебряным шитьём.

— Госпожа? — лицо его вытянулось в удивлении.

— Я была в лазарете на железнодорожной станции, — почему-то стала объяснять ему Ирина.

— Проходите, пожалуйста, — дворецкий распахнул дверь, и Ирина зашла в дом.

«Ничего себе бароны живут», — подумала она, а сама спросила:

— Господин барон дома?

Почему-то Ирине казалось, что надо поскорее увидеть барона, и уж тогда-то она сможет наконец всё выяснить.

— Нет, госпожа, господин барон уехал на службу, дома только...

— Кто там, Захар? — откуда-то сверху раздался резкий и сухой, как наждачная бумага, голос.

Ирина и дворецкий одновременно повернули головы в сторону лестницы, которая занимала половину холла. По ней спускалась высокая худая старуха. Женщина была вся в чёрном, что резало глаз, не соответствуя тёплой атмосфере дома.

Холл был украшен позолотой и смешными барельефами, изображавшими различные сцены из греческой мифологии. На постаментах стояли милые вазы, а стены были расписаны яркими необычными цветами. Казалось, что это огромные лилии расцветают в странном мифическом саду.

— Как вы посмели сюда прийти? — увидев Ирину, старуха сразу перешла «в нападение».

— И вам здравствуйте, — Ирина решительно не понимала, что происходит. Видно же, что её узнали, по документам она баронесса Виленская, тогда почему какая-то старая тётка так на неё орёт?

— Пошла вон, распутница, греховодница! — старуха всё более распалялась, а у Ирины, как назло, тошнота подкатила к горлу, и её вырвало желчью, после чего она осела в обмороке.

Пришла в себя на лавке, укрытая каким-то тулупчиком. Лавка была твёрдой и неудобной, но Ирине было всё равно.

Сил нет, поэтому лучше уж на лавке лежать, чем на полу. Тем более, судя по запаху, лежит она где-то рядом с кухней: нос щекотали вкусные ароматы домашней еды.

Ирина подтянула тулупчик и закрыла глаза.

— Барыня, — тихо позвал её мягкий голос.

Открыла глаза и увидела маленькую согнутую старушку.

— Барыня, вот бульончику. Ну-ка присядь, я уж не подниму тебя, — старушка говорила тихо, Ирина еле-еле слышала.

Она присела, и старушка протянула ей большую глиняную кружку с горячим бульоном.

После бульона и вправду стало полегче.

— Барыня, нельзя тут тебе, вона как Елена Михайловна ругается, — старушка виновато прищурилась.

— А почему нельзя? — решила спросить Ирина.

— Так как же? Ушли же вы, давно, бросили Сергея Михайловича и Сашу, и с тех пор-то мы вас и не видели.

— Куда ушла? — всё ещё ничего не понимая, удивилась Ирина.

— Так не наше это дело, — старушка замолчала и больше ничего не говорила.

Ирине стало не по себе, и голова снова неприятно закружилась.

— Можно я ещё немного здесь полежу? — спросила старушку и, не дожидаясь ответа, прилегла обратно на лавку.

Глаза закрылись, и Ирина уснула.

— Привет, Захар. Что у вас здесь случилось? — барон приехал на обед со службы. Обычно его встречала сестра, но дворецкий доложил, что она понервничала и в расстроенных чувствах прилегла у себя.

— Так что у вас произошло?

— Так барыня приехала, ваше сиятельство, — дворецкий говорил спокойно, но было видно, что переживает.

— Какая барыня? — похолодевшим тоном переспросил барон.

— Так супруга ваша, Ирэн Леонидовна, — дворецкий изо всех сил делал вид, что ему не страшно такое барину говорить.

— Где она?

— Она плохая очень, в обморок изволили упасть. Мы её на людскую сторону отнесли.

— Почему на людскую?

— Так её сиятельство приказала. Говорит, значит, эту с глаз долой, а кормилица ваша велела, значит, к кухне, там теплее.

Барон прошёл на людскую половину дома и из темноты коридора увидел лежащую на лавке Ирину. Она показалась ему очень несчастной, всеми покинутой.

«Что же произошло?» — подумал барон, хотя и догадывался, что именно. Сегодня утром в газетах он прочитал о помолвке между графом Кириллом Балашовым и княжной

Софьей Обуховой.

Жаль её, какая-то несчастная, жалкая, постаревшая как будто. Но он не может оставить её здесь. Расспросив кормилицу, он выяснил, что Ирина упала где-то на вокзале и сильно ударилась головой. Вот и забыла даже, что ушла от мужа.

В такие вещи Сергей Виленский не верил, но предположил, что женщине некуда пойти, и она пришла к нему в надежде, что он ей поможет. Как бы сильно ни был обижен барон, это не повод не протянуть руку помощи. Он распорядился приготовить тёплую зимнюю карету, собрать еду в дорогу и вещи барыни, которые ещё оставались в доме. Пусть едет к отцу. По крайней мере, там она будет среди родных людей.

— Вот, — барон протянул дворецкому толстый кошель, — передашь баронессе вместе с едой, чтобы не потеряла и не отказалась.

Он ещё помнил, как она бросала ему в лицо подаренные им когда-то украшения.

Ирину снова разбудила маленькая старушка.

— Давай, барынька, пойдём, карету уж подали. Сейчас посадим тебя — и поедешь.

Ирине было всё равно, но она нашла в себе силы спросить:

— Куда еду?

— Так домой, барынька, к батюшке вашему в имение, в Никольское.

Карета, в которую посадили Ирину, была небольшой, но удобной. Вся мягкая, обитая бархатом, да ещё и печку поставили внутри, и поленицу положили.

Подошёл дворецкий и протянул ей свёрток, от которого вкусно пахло едой. Под свёртком Ирина почувствовала что-то твёрдое, вытащила и посмотрела — небольшая сумочка на кожаных завязках.

— Берите, берите, барыня, пригодится, — почему-то испуганно произнёс дворецкий.

Ирина, в общем-то, и не собиралась ни от чего отказываться. Разобраться бы, что вообще происходит: почему она баронесса, замужем, но не может остаться в доме мужа, почему она бросила мужа, и почему её нашли на вокзале, упавшей на рельсы?

Голова «пухла» от вопросов, но карета уже катилась в неизвестность. Ирина пригrelась и уснула, несмотря на качку.

— Нет, Серёжа, ты подумай, какая наглость! — Елена Михайловна, старшая сестра барона Виленского, была вне себя и горела от негодования. — Заявилась в дом как ни в чём не бывало! Распутница! — ругательные эпитеты так и сыпались.

— Лена, успокойся, — тихо произнес барон. — Слуги сказали, она ударилась головой, и у неё помутилось.

— У неё давно помутилось! Ещё когда она бросила тебя

и сына! А ты, ты ещё зимнюю карету снарядил и как царицу отправил! — выговорившись, Елена Михайловна отвернулась от брата и демонстративно стала смотреть в другую сторону.

Сергей Михайлович понимал сестру. Когда Ирэн ушла, он растерялся и не знал, что делать с сыном, которому было всего пять лет. И тогда сестра, бросив всё, приехала из своего имения и стала ему помогать. Поэтому он не мог, да и не хотел её обижать. Но как она не понимает, что не мог он выкинуть на улицу несчастную, отчаявшуюся и больную, в конце концов, женщину!

Барон понял, что продолжать этот разговор бесполезно, поэтому подошёл к сестре, обнял её за плечи и стал виниться:

— Ну прости меня, Лена, прости. Ты же нам с Сашей нужна, куда мы без тебя?

Уже на последней фразе почувствовал, что плечи сестры расслабились, но Елена Михайловна не делала попытки развернуться или что-то ответить. И чтобы уже успокоить сестру окончательно, он решил с ней поделиться:

— Вот, император подписал прошение о разводе, так что теперь я снова холостой.

Сухое лицо сестры озарилось улыбкой. А ей идёт улыбка, жаль только, что она редко улыбается, подумалось ему.

— Серёжа, это же отличная новость! Я рада! — всё негодование ушло, и Сергей понял, что не зря поделился с сест-

рой, хотя на душе до сих пор было ощущение неправильности.

Глава 3

22 января 181... года

На Симбирском тракте

Уже стемнело, когда Ирину разбудил кучер. Она даже не заметила, что в печке, которая грела карету, дрова практически потухли.

Она уже обрадовалась, что путешествие закончилось, но, как оказалось, до дома отца Ирэн Виленской ещё было несколько часов пути. Кучер, человек барона, не хотел рисковать и ехать по темноте, поэтому остановился на Арзамасской заставе.

Всё это Ирина узнала от самого кучера, когда тот пришёл и попросил несколько монет, чтобы пристроить лошадей, экипаж и барыню на ночлег.

Из кареты Ирина вылезла с большим трудом, всё тело затекло, и ни ноги, ни руки не хотели разгибаться. Но пройдя несколько метров до входа в гостевой дом, который был специально выстроен для таких вот непростых путешественников, она уже более-менее прямо держала спину.

Гостевой дом сначала произвёл на Ирину удручающее впечатление: мало света, тёмные стены. Но потом принявшись, Ирина поняла, что несправедлива, потому как пахло приятно. В комнате, куда её проводила худенькая девчушка, было чисто и тепло. Кучер уже договорился и всё оплатил.

Ирине принесли тёплую воду и ужин.

Ужин был простой — каша с мясом, но для Ирины он показался необычным деликатесом. Её наконец-то перестало тошнить, и впервые за эти два сумасшедших дня она смогла нормально поесть. Ложась в кровать, она уже чувствовала себя почти счастливой, и было всё равно, кто она и почему здесь оказалась.

Утром, когда ещё было темно, к Ирине снова зашла вчерашняя девочка и принесла воду и кашу.

— Барыня, там уже вас кучер дожидается, — улыбаясь и споро расставляя тарелку и кружку с подноса на стол, чинно проговорила девчушка.

Умывшись и позавтракав, Ирина вышла во двор. С помощью кучера забралась внутрь кареты, там уже было натоплено.

«Хорошие у барона слуги, заботливые, — подумала Ирина. — Почему та, прежняя Ирэн от него ушла? Может, он тиран?»

Мысли в голове бродили разные, но вскоре тряска кареты убаюкала молодую женщину.

Проснулась Ирина сама от того, что карета остановилась. Выглянув в окно, обнаружила, что карета стоит перед небольшим каменным двухэтажным особняком. Особняк был выстроен в виде прямоугольной коробки, покрашен в бело-жёлтый цвет, что смотрелось интересно. В окнах по-

блескивали стёкла, но не во всех. На первом этаже окна были затянуты чем-то непрозрачным.

— Приехали, барыня, — сказал кучер, открыв дверцу кареты. Помог Ирине выбраться, и она сразу же провалилась в снег.

— Осторожнее, барынька, здесь не везде почищено, — с опозданием предупредил её кучер.

Ирина, чувствуя, как в сапожке тает снег, непроизвольно поморщилась.

— Вот, значит, дом вашего батюшки. Вещи я оттащил, теперь поеду, наверное, чтобы уже сегодня обратно добраться.

— Погодите... — Ирина осеклась, сообразив, что баронесса вряд ли будет обращаться к кучеру на вы. — Погоди, прости, не запомнила твоё имя, — исправилась Ирина.

— Дык Никодим я, — ответил кучер и улыбнулся щербатым ртом.

— Погоди, Никодим, сейчас мы тебе еду в дорогу найдем, — по-хозяйски произнесла Ирина и решительно пошла в дом.

Дверь была открыта, но никто не вышел, чтобы встретить гостей. В холле было просторно, но темно, единственным источником света служили окна, расположенные сверху лестницы, которая начиналась в центральной части холла, уходила наверх и сворачивала налево. Пахло пылью и подгорелой едой, и было довольно холодно.

Ирина повернулась к кучеру, который мялся на входе, не

решаясь пройти дальше, и протянула ему несколько серебряных монет.

— Прости, Никодим, придётся тебе и лошадам твоим где-то в дороге едой разжиться, — старясь не сорваться в истерику, сказала Ирина.

Кучеру такой вариант, видимо, пришёлся по душе, и он, низко поклонившись, побежал обратно к карете.

А Ирина осталась в доме.

— Ау, есть кто живой? — громко крикнула она, надеясь, что всё-таки кто-то здесь живёт и сможет ответить на её вопросы.

Наверху лестницы Ирина заметила какое-то движение, пригляделась — кто-то явно прятался за фигурным портиком перил.

— Я вас вижу! — скомандовала Ирина, Впрочем, не рассчитывая, что сработает. — Вылезайте.

Но, как ни странно, сработало. Вскоре на лестнице показались два... ребёнка.

Присмотревшись, Ирина поняла, что это мальчишки лет десяти-двенадцати, одетые в одинаковые старые, серого цвета, штаны и растянутые «бабушкины» кофты.

«Худенькие и ещё маленькие. Наверное, всё-таки не больше десяти», — подумала Ирина, вспомнив, как ещё в школе мальчишки-одноклассники в тринадцать-четырнадцать лет ушли на летние каникулы малявками, а вернулись огромными прыщавыми дылдами.

— Подойдите, — ещё раз скомандовала Ирина.

Мальчики подошли ближе, и неожиданно один из них сказал:

— Рад вас видеть, сестра...

Ирина чуть снова не упала в обморок, но «устояла», пока не понимая, надо ли их обнимать, если они её братья. Потом плюнула на всё и раскрыла руки, предлагая мальчишкам самим решать.

И мальчишки не подвели, одним прыжком оказались около Ирины и доверчиво прижались к ней.

Что удивительно, они не были близнецами, их легко можно было отличить, потому как у одного волосы были тёмные, как и у Ирины, а у другого — светлые, да и на лицо немного, но разные.

— Есть дома взрослые? — спросила Ирина, тщетно пытаясь не показать, что она не знает ни имён мальчишек, ни как зовут отца.

Мальчики рассказали, что отец дома, но просил его не беспокоить, а ещё дома Пелагея и Афанасий — старик-дворецкий. Но Афанасий очень старый и всё время спит.

— Давайте не будем будить Афанасия, ведите меня к Пелагее, — Ирина решила не вызывать слуг, тем более что их тут «полтора землекопа», а пройтись самой по дому, посмотреть, что здесь и как.

По дороге стало понятно, что дом нуждается в ремонте. Потрескавшаяся штукатурка, облезшая позолота, скри-

пящий паркет. Вероятно, когда-то дом был очень симпатичным и уютным, но это явно было давно.

Пелагеей оказалась дородная баба в возрасте. Хотя, что Ирина могла знать о том, как здесь простые люди, не аристократы, стареют. Этой Пелагее может быть как пятьдесят, так и сорок лет. Она что-то помешивала в кастрюле, когда мальчики привели Ирину на кухню.

— Обед ещё не готов, — не оборачиваясь, зычным голосом рывкнула она.

— Тётя Поля, это Ирэн приехала, — сказал тёмненький братик.

— Какая ещё Ирэн? — недовольно спросила Пелагея.

Обернувшись, она увидела Ирину, заохала и замахала руками, забыв, что у неё в руках большая ложка. Брызги с ложки полетели ей на фартук и на мальчишек, которые стояли передо мной. Наконец сообразив, что ложку надо положить, Пелагея бросила её обратно в кастрюлю и выдохнула из себя:

— Барыня, радость-то какая! А мы тут... — на этом она прервалась и почему-то заплакала.

Горелой едой пахло ещё сильнее, и я поняла, что надо спасать то, что в кастрюле. Сняла шубку, отдала её братьям.

— Возьмите и положите там, где почище.

А сама пошла посмотреть, что там у Пелагеи в кастрюле горит.

Увидев серую бурду, спросила:

— Пелагея, а что сегодня на обед?

— Дык каша на обед, больше ничего и нет у нас. Деньги-то от барона только в начале месяца придут. А из деревни сегодня только молоко привезли, творога немножко, да яиц два десятка. Мяса нет. Говорят, сами голодают. Даже курицу не привезли.

— Деньги у меня есть, как можно продукты купить? — Ирина не представляла себе, как это происходит здесь, в поместье. Не пошлѣшь же Пелагею в ближайшую «Пятёрочку».

Оказалось, что за продуктами нужно ехать в уездный город, а это примерно час езды на санях. А есть хотелось прямо сейчас, да и на голодные физиономии братьев тоже было жалко смотреть. И Ирина решилась.

— Давай, Пелагея, показывай, что там у тебя за продукты.

Платье всё равно надо было чистить после дороги, поэтому Ирина, помыв руки, принялась за готовку.

Готовить она умела, но обычно для себя готовила что-то простое. Не любила питаться в ресторанах, это вообще вредно для фигуры, потому что никогда не знаешь, что они там в соусы кладут: сахар или ещё какую-нибудь вредную гадость. Поэтому Ирина предпочитала домашнюю еду. Считала, что тушёная капуста гораздо полезнее спаржи на гриле. Вот и сейчас легко придумалось, как из простых ингредиентов сделать вкусный обед.

Из найденных запасов она решила приготовить ленивый творожный хачапури. А что? Вкусно, сытно и быстро. Гото-

вится румяная лепёшка-лодочка из творога и сыра с яйцом. По вкусу это несладкий сырник, а вот по внешнему виду — ну точно хачапури по-аджарски. Главное, быстро и на сковороде можно сделать. Правда, сковороду Пелагее пришлось отмывать.

Кушали все здесь же, на кухне — видимо, это было самое тёплое место в доме.

Хачапури пошли на ура, на вкус не повлияло даже отсутствие привычного сыра. Мальчишки, те вообще ели, пока в них влезать не перестало.

— А что отец? Разве он не спустится? — спросила Ирина, перед тем как сажать за стол мальчишек.

Те неуверенно замерли, но ответила Пелагея:

— Он редко с нами обедает, я ему лучше отнесу, а вы садитесь.

«Всё страньше и страньше»*, — подумала Ирина, но вслух пока ничего не сказала.

**(«Curiouser and curiouser!» — одна из моих любимых фраз из «Алисы в стране чудес» Л. Кэрлла. Некоторые переводят эту фразу как «чудесатее и чудесатее», но мой любимый перевод — «все страньше и страньше!»)*

После обеда Ирина отправила мальчишек наверх и пообещала зайти. Пелагея хотела тоже убежать, но Ирина её тормознула. Ей были нужны ответы.

— Пелагея, рассказывай, что здесь происходит. Что про меня известно? Всё рассказывай, — Ирина не просила, а

приказывала.

Она уже подметила, что в общем-то Пелагея добрая баба, к мальчикам хорошо относится, но, скорее всего, ленивая. В доме грязно, еда никакая. Поэтому Ирина решила играть роль строгой хозяйки, собственно, в прошлой жизни она такой и была. Строгой и к себе, и к людям, которые на неё работали.

Выяснилось, что отец уже давно не занимается ни детьми, ни помещьем. Вот как Ирэн из дома уехала семь лет назад, так и «покатилось всё под гору».

Отец Ирэн, Леонид Александрович Лопатин, был мелкопоместным дворянином. После смерти жены, которая умерла, рожая близнецов, остался с тремя детьми на руках: старшей дочерью Ирэн тринадцати лет и двумя новорожденными сыновьями. От жены, графини Прасковьи Анисимовой, осталось две деревни на сто пятьдесят душ.

До отъезда Ирэн из дома он ещё держался, оставаясь председателем местного дворянства, но потом всё больше начал уходить в себя, перестал что-то делать. Сейчас деревни жили сами по себе, дохода с них не было, слуги все разбежались. Из предводителей дворянства его сняли, со службы — тоже, даже гувернёра мальчикам уже год как оплатить нечем. Деньги только барон присылает — немного, но каждый месяц.

— А что, Пелагея, про меня говорят? — Ирина сделала вид, что ей интересны те сплетни, которые в провинцию до-

ходят.

— Дык, барыня, разное говорят.

— А ты всё Расскажи, — Ирина встала и сама налила ещё чаю. Чай, на удивление, при общей нищете дома, был хороший. — Кстати, Пелагея, а откуда такой чай у вас вкусный?

Пелагея засмушалась, но ответила:

— Это мешок в прошлом году нам помещик Картузов подарил, а я его летом просушила и травок всяких добавила.

— Ну ты молодец! — Ирина подумала, что и дом, и мальчишки, да и отец ещё как-то держатся во многом благодаря такой вот русской бабе Пелагее.

Наконец Ирине удалось выяснить об Ирэн хотя бы то, что доходило до поместья.

Оказалось, что она два года назад ушла от мужа к офицеру, бросив пятилетнего сына. И сама написала прошение императору о разводе.

Чем больше Ирина слушала, тем хуже ей становилось. Картина вырисовывалась преотвратная.

Она сейчас баронесса Виленская, которая ушла от мужа, бросила сына, открыто жила с офицером. Вот интересно, хотя бы не убила никого? А то прям грех на грехе.

— А что, барыня, вы насовсем к нам или в гости? — как бы невзначай задала вопрос Пелагея.

Ирина подумала, что надо отвечать прямо, чтобы потом не было неоправданных ожиданий, и сказала:

— Я, Пелагея, скорее всего, насовсем, но больше тебе ска-

зять ничего не могу, потому как травма у меня была, головой я сильно ушиблась и не всё помню. Вот офицера совсем не помню, например. Даже как его зовут...

Глава 4

После разговора с Пелагеей Ирина поняла, что сил не осталось. Кое-как сбросив платье и протеревшись влажной тряпкой, она рухнула на пыльную кровать в бывшей девичьей комнате Ирэн, куда её проводили братья, и уснула.

С утра ничего не изменилось, но в пыльное окно светило солнце. Голова почти не болела, и Ирина решила, что не всё так плохо.

В комнате Ирэн была небольшая каморка, в которой стояла тумба с тазом. Ирина поняла, что это для умывания. Отсутствие водопровода в доме казалось сейчас огромной проблемой. Надо найти что-то для чистки зубов, и вообще хотелось бы помыться.

В прежней жизни она обожала воду и принимала душ утром и вечером, по выходным любила попариться.

«Должна же здесь быть хотя бы баня», — думала Ирина, тщетно пытаясь вспомнить историю. По её памяти, вроде бы уже при Петре Первом были построены общественные бани. Это всё-таки не Европа, где вшей ловили специальными приспособлениями.

Но надо было шевелиться, и Ирина, покопавшись в сундуке, нашла простое и мягкое тёплое платье. Внутри него было нижнее платье — довольно плотное, и вся эта конструкция затягивалась шнуровкой по бокам. Надеть и затянуть шну-

ровку труда не составило. Волосы Ирина заплела в косу и отправилась вниз.

На кухне всё так же суежилась Пелагея, но едой не пахло.

— Пелагея, доброе утро, мальчики ещё не встали?

— Нет, барыня. А вы чего так рано поднялись?

— Помыться хочу. Не знаю, где воду взять.

Оказалось, что водопровод в доме есть, но только на первом этаже. Но вода только холодная, потому как денег на уголь нет, а зимой надо всё время в подвале топить.

Настроение Ирины скакало от ощущения счастья, когда слышала, что есть водопровод, до небольшой грусти, когда стало понятно, что горячей воды нет. Баня в поместье тоже имелась, но она рассохлась и, по словам Пелагеи, плохо держала тепло.

Ирина решила принести ведро и нагреть воду. Вспомнила, что когда-то не было у неё проточного водонагревателя и из ведра очень даже можно было помыться, когда летом в городе отключали горячую воду.

Ещё Пелагея сказала, что отправила деда Афанасия в город за продуктами, а сейчас ждёт, когда их из деревни подвезут.

— Вот посмотрите, барыня, совсем ведь распустились! Барин-то, Леонид Ляксандрович, давно со старостами не встречался, вот и мухлюют.

Пока ведро нагревалось, Ирина решила ещё немного расспросить Пелагею.

Фамилия отца Ирэн была Лопатин. Ирину поразило такое совпадение, она же тоже Лопатина. Возможно ли, что она действительно была потомком этой семьи? Одно время Ирина увлекалась генетическими исследованиями и даже сдала свой биоматериал, чтобы исследовать возможные регионы происхождения. И получила результат, где описывалось, что география её ДНК как раз здесь, по Симбирскому тракту, в сторону Нижнего Новгорода. Но вот, конечно, село Никольское там не упоминалось.

Выяснила Ирина также про деньги. Оказалось, что у неё в кошельке, полученном от дворецкого в доме барона, почти пятьдесят золотых монет. В каждой золотой монете было десять серебряных монет, в каждой серебряной — по сто медных. Так медяшки и назывались — монеты. Золотая монета называлась империал, а серебряная — целкач. На золотую монету крестьянская семья из трёх человек могла жить месяц.

Раздались шаги. В кухню ввалился огромный мужик в тулупе и пробасил:

— Польшка, отопри заднюю дверь, продукты привёз...

Запнулся, увидев, что Пелагея в кухне не одна, и Ирина решила этой заминкой воспользоваться.

— Пелагея, пойдём посмотрим, что там привезли, — тоном недовольного начальника произнесла она.

Мужик неуверенно топтался на месте, глядя то на Пелагею, то на Ирину. Ирина хоть и была в простом платье, но

явно выглядела не как деревенская девка.

Решив закрепить эффект, она строго спросила:

— Как зовут?

— Дык, Порфирий, значит, староста я из Кротовки. Сегодня наш день, значит.

Пелагея тут же сориентировалась:

— Да, барыня, посмотрите сами, что нам возят, как уважают барина, — тон был саркастический, можно было «порезаться».

«Ну, артистка, Пелагея», — подумала Ирина и, сделав ещё более строгое лицо, махнула ей рукой:

— Веди.

В санях лежало несколько свёртков.

— Разворачивай! — Ирина и не думала давать спуску, видя, что Пелагея одобрительно кивает.

В свёртках было две тощих курицы, немного овощей и небольшой мешочек муки.

Ирина вопросительно взглянула на Пелагею, та скривилась, и сразу стало понятно, что явно недобор. Но свёртки она забрала.

— Почему так мало? — Ирина не представляла себе, что и сколько должны привозить, но Пелагее она в этом доверяла.

— Дык, у самих нет, — жалобно произнёс Порфирий, но по его сытой физиономии было видно, что сам староста явно не голодает.

— Приеду с ревизией — проверю, — наобум, что называ-

ется, «пальцем в небо» бросила Ирина.

Надо было видеть, как изменился в лице староста. Сразу стало ясно, что в деревнях есть что скрывать.

— Когда ждать-то вас, барыня? С батюшкой приедете или одна? — хитрый мужик быстро сообразил, кто она, и сразу начал «разведку».

— Когда надо, тогда и приеду. И не твоё дело, одна или с кем, — пришлось добавить металла в голос. — И чтобы завтра людей привёз.

Пелагея вопросительно на меня посмотрела, но я продолжила:

— Расчистить всё! К дому не подойдёшь, так снегом завалено! Сам реши, сколько человек, чтобы мне быстро здесь всё расчистили.

Мужик начал кланяться, что-то бормоча при этом, и, подхватив лошадку по уздцы, пошёл в сторону выезда из поместья. А Пелагея, не растерявшись, ещё и крикнула ему вслед:

— И чтобы как положено привозил!

На кухню мы входили смеясь.

— Как вы его, барыня! Я вас прям и не узнаю, такая вы бойкая стали, да ещё и готовить научились.

Ирина подумала, что даже то, что Пелагея не видела Ирэн несколько лет, не поможет ей скрыть свою инаковость.

Но Пелагея сама спросила и сама ответ придумала:

— Эк вас жизнь-то помотала, барыня. Вот и научились и

за себя постоять, и еду приготовить.

Ирина, услышав это, выдохнула и подумала, что это может быть хорошей отговоркой.

На завтрак она поставила блины и отправила Пелагею ощипывать кур, чтобы сварить их на обед. Пока готовила, раздумывала о том, что неплохо бы убраться и перестирать всё. Интересно, а из деревень можно женщин позвать для уборки?

Надо ехать в деревню, но, судя по реакции старосты, ей нужен отец. А то могут и не послушать, или хуже того, стукнут по голове и скажут, что так и было.

Вскоре прибежали мальчишки. Хитростью наконец-то удалось узнать их имена.

— Вы такие чумазые, что я не могу вас отличить. Ну-ка, кто есть кто?

Светленький братик сразу «сдал» все пароли:

— Это же я, Иван.

А тёмненький, видно, хотел подшутить:

— Нет, Иван это я, а он Дмитрий.

«Ладно, — подумала Ирина, — Ваня и Димка будут», — и отправила их умываться.

Сама развела воды и полила им. Надо бы ещё головы помыть. Да вроде никто не чешется, остаётся надеяться, что насекомых нет.

После завтрака кликнула Пелагею, чтобы та ей помогла вымыть голову. На первом этаже была оборудована специ-

альная помывочная, где стояла ванна. Но пока водопровод толком не работал, ванну можно было использовать только как большой тазик.

Вымылась Ирина сама. Только попросила Пелагею полить ей на голову. Очень уж длинные и густые волосы ей достались.

Пелагея начала поливать и вдруг заохала, даже назвала её вместо барыни по имени-отчеству.

— Ой, батюшки, Ирэн Леонидовна! Что же это у вас с головой? Откуда такая шишка?

Пришлось ей рассказать, что упала на вокзале, сильно ударились, поэтому и с памятью проблемы.

— А что вы делали на вокзале, барыня?

— Не помню, Пелагея, — вывернулась Ирина и перевела разговор: — Хочу в деревню поехать, посмотреть, что там и как, поговорить со старостами. Надо женщин позвать, чтобы дом убрали, и постирать надо бы. Пелагея, а сколько платить надо? Может, мы кухарку возьмём? Да мне ещё горничная нужна.

— Надо бы вам с батюшкой попробовать поговорить. Вы, конечно, командовать горазды, но с ним всё же надёжнее.

С отцом поговорить не получилось. Когда Ирина зашла в комнату, то увидела сидящего на кресле мужчину — седого, небритого, можно даже сказать, с неаккуратной бородой. Перед ним стоял стол, на котором красовалась пузатая бу-

тылка и бокал с коричневой жидкостью. Но мужчина не пил, он просто сидел с закрытыми глазами. Ноги его были завёрнуты пледом, и казалось, что он вообще неживой.

Ирина долго думала, как к нему обратиться, и решила называть его по имени-отчеству.

— Леонид Александрович, батюшка, это Ирэн. Я теперь здесь у вас жить буду, нам с вами надо поговорить.

Но мужчина в кресле даже не шевельнулся.

Тогда Ирина прошла в комнату и встала прямо перед ним. Тронула за руку.

— Леонид Александрович, вы спите?

Мужчина медленно, словно нехотя, открыл глаза и посмотрел мутным взглядом на Ирэн. Ничего не говоря, перевёл взгляд на стол, взял бокал. Сделал небольшой глоток и снова закрыл глаза.

«Вот это депрессняк», — подумала Ирина и поняла, что в деревню придётся ехать одной.

Надо бы подумать, на чём можно заработать. Может, в деревне что-то удастся посмотреть. Пока в голову Ирине пришла мысль попробовать сделать спички. Местное огниво за эти два дня уже изрядно измотало её.

Она помнила примерно, что спички вроде делают из серы, красного фосфора и ещё нужен клей. Клея здесь точно не найти, неизвестно ещё, что с фосфором. Надо, наверное, доехать до города и в аптеке спросить. А клей можно и киноварью заменить, если найдётся.

На всякий случай спросила Пелагею про аптеку. Оказалось, что в городе есть не только аптека, но и больница, и лавки всякие, даже ювелирные.

К вечеру, когда уже начало темнеть, и Пелагея стала волноваться, приехал дед Афанасий. Собственно, это лошадка, запряжённая в сани, его привезла. Сам он спал, лёжа на нагруженной телеге, и даже проснулся не сразу, а только когда Пелагея стала его тормозить.

На выданные два червонца дед Афанасий привёз целую телегу. Там было и мясо, и сыры, и овощи. Всё это, как оказалось, по списку, который ему дала Пелагея.

«А Пелагея-то не так проста, — подумала Ирина, — и грамоте обучена».

На следующее утро Ирина стала собираться в деревню. Деревень оказалось две: одна — Кротовка, и вторая — Отрада.

Кротовка была побольше, там было шестьдесят девять дворов, а вот Отрада оказалась совсем маленькой — всего на двадцать дворов.

Рано утром приехал староста из Отрады, привёз творог, яйца и молоко. Ирина и в прежней жизни вставала рано, а здесь пока дом не отмыт, ей и совсем не спалось. Поэтому старосту встретила... барыня.

В отличие от Порфирия, этот был постарше, помельче, и Ирине показалось, что честнее. Назвался Емелей. Ирина еле

сдержалась, чтобы не пошутить на тему, а где его печка, ну или щука.

Пелагея снова всем своим видом показывала, как она недовольна, что мало привозят.

Староста не стал оправдываться, только сказал:

— Осталось у нас всего четыре коровы, остальных пришлось под нож, урожая-то почти не было, кормить нечем.

— А что с урожаем? — Ирина ничего не понимала в сельском хозяйстве, но рассчитывала, что её знания как-то могут пригодиться.

— Засуха была, барыня, и вспахать совсем не получилось, соха землю не пробивала.

— Соха, это такая деревянная рогатина? — Ирина подумала, что баронессе позволительно не знать, как выглядит соха.

Оказалось, что да, и Ирина поняла, что вот оно! Она точно знала, какое изобретение в её прежней реальности сдвинуло сельское хозяйство. Это был стальной плуг. С появлением плуга землю стали нормально пахать, и урожайность резко возросла.

Но каждая идея приносила только больше вопросов. А сталь здесь вообще льют?

В итоге Ирина напросилась со старостой в Отраду.

Деревня располагалась гораздо ближе, чем Кротовка, и Ирина подумала, что обратно прогуляется пешочком. Все-го-то три версты, около трёх километров, как Ирина переве-

ла вёрсты в привычную систему. Заодно тельце потренировать, а то вяленькое какое-то.

Деревня Ирине понравилась. Домики были небольшие, но аккуратные. У старосты дом был побольше, и Ирина увидела, что две коровы из четырёх принадлежат ему.

Когда они вместе обошли деревню, Ирина поняла, что не так всё плохо, как старосты утверждали. Надо бы, конечно, ещё взглянуть на Кротовку, но здесь во всех домах было тепло, больных не замечено.

После прогулки пошли в дом к старосте. Сухонькая вёрткая жена старосты накрыла на стол, и Ирина с удовольствием поела каши с мясом, да ещё и квашеной капустки. Настало время поговорить.

— А что, Емеля, есть в деревне женщины, которые могут завтра с тобой в барский дом поехать? Мне надо, чтобы дом отмыли, перестирали всё.

— Есть конечно, а сколько надо?

— Вези всех, кто есть, на месте разберёмся, — ответила Ирина, а про себя подумала: «Можно подумать, я знаю, сколько надо! Там, может, и трое справятся, а может, и десятерым работы хватит».

Дальше разговор пошёл про нужды деревни.

— Ты говорил, что коров режете, потому как корма нет. А сколько надо купить корма, чтобы коровы выжили? — Ирина надеялась, что Емеля скажет правду.

— Зерна нужно пудов десять, будем мешать с сеном и тогда до весны дотянем, — староста ответил, недоверчиво посмотрел на Ирину и добавил: — Такое количество может и в половину империала встать...

«Ничего себе у них расценки», — подумала Ирина, но вслух строго сказала:

— Деньги я дам, но чтоб все коровы выжили! Завтра приедешь, привезёшь женщин и получишь деньги на закупку зерна.

Староста порывался Ирину довезти, но она отказалась. Было ещё светло и не сильно морозно. Солнце, правда, уже скрылось за тучами, но пока ехали, дорога показалась ей наезженной, идти будет легко.

По ощущениям, Ирина прошла половину, может, чуть больше, когда поняла, что ноги замёрзли невыносимо. Местная барская обувь явно не была предназначена для пеших зимних прогулок. Да ещё начал идти снег, поднялся ветер и, как назло, задувал прямо в лицо.

Ирина прошла ещё немного, но нетренированное тело баронессы Виленской оказалось слабым, и вскоре она осела в снег прямо на дорогу, понимая, что больше идти не может.

Она ещё подумала: «Надо же, как глупо, умереть в своём мире, возродиться в этом и через пару дней замёрзнуть в одной версте от дома...»

Глаза закрывались, Ирина тщетно боролась с собой, что-

бы не заснуть. Ветер усиливался, и ей казалось, что звуки
вьюги напоминают звон колокольчика...

Глава 5

— Да что же вы так, барышня, разве ж в наши зимы можно пешком-то ходить, да ещё и не в валенках!

Ирина постепенно приходила в себя. Когда звон колокольчика стал ближе, она даже подумала, что это и есть галлюцинации, благодаря которым замерзающий человек не испытывает мучений. Но вскоре, когда её начали тормозить, и ей удалось открыть глаза, увидела над собой добродушное круглое лицо.

Мужчина легко, словно пушинку, поднял её и перенёс в возок.

— Куда вы шли, барышня?

Ирина тщетно пыталась ответить, но замёрзшие губы не слушались.

Мужчина сам начал размышлять:

— Уж не к Лопатиным ли?

Она кивнула.

Мужчина взглянул ей в лицо.

— Уж не дочка ли Леонида Александровича?

Ирина снова кивнула, и на этот раз ей удалось выговорить:

— С-спасибо.

— Ладно уж, поехали, до вас-то ближе, а то как бы не обморозилась.

Пока ехали, Ирина рассмотрела мужчину. Высокий, мощ-

ный, немного грузный, но не толстый. Лицо добродушное, видимо, благодаря круглой форме и большим пышным усам с бакенбардами. Шапку мужчина внутри возка снял и оказалось, что он лысоват. По возрасту Ирина дала бы ему лет сорок пять.

— Помещик Картузов Иван Иванович, — представился мужчина.

«Картузов», — Ирина вспомнила, откуда слышала эту фамилию. Пелагея говорила, он чай подарил.

— Ирэн Виленская, — почему-то представилась она фамилией мужа.

— А ты, дочка, с мужем приехала или одна? — отвлекая её разговором, помещик Картузов ловко снял с Ирины промокшие сапоги, и она почувствовала, как замёрзшие ноги заломили, начав отогреваться.

— Потерпи, дочка, сейчас доедем. Это хорошо, что я мимо вашей деревни поехал, мне там деревщик ваш одну штуку обещал сделать, да запил, подлец.

Мужчина продолжал говорить, а сам, надев толстые варежки, растирал Ирине стопы. Делал он это как доктор, безо всякого подтекста, да и вид у Ирины был довольно жалкий. Она молчала, терпела боль и думала, что чувствует себя отвратительно. Только бы не заболеть, здесь наверняка ещё никаких антибиотиков не придумали.

Ей было так жаль себя, что она подумала:

«Что ж такое?! Я, самостоятельная, деловая — и так пе-

реоценила свои возможности. Всё-таки сложно привыкнуть к тому, что у тебя другие ресурсы: тело чужое, ты его не знаешь, и это твоя слабость. Но как же трудно осознать и принять, что ты больше не Ирина Лопатина — удачливая и молодая предпринимательница. Ведь что такое — тридцать два в двадцать первом веке? Самый прекрасный возраст! Уже есть и опыт, и красота, и деньги, если ты не полная дура. А Ирина дурой не была.

Здесь же ты Ирэн Виленская-Лопатина, никому не нужная нищая баронесса. Немного рыхлая, по местным меркам не очень молодая. Тебе двадцать шесть, а замуж выдали ещё в шестнадцать, да с ворохом нерешённых проблем».

Подъехав к дому Лопатиных, помещик Картузов снова подхватил Ирину на руки и внёс в дом.

Сразу послышалось оханье Пелагеи, прибежали мальчишки, и даже пришаркал дед Афанасий, который с появлением Ирэн вместо тулупа — всё-таки в доме было достаточно прохладно — стал надевать камзол, который, надо сказать, выглядел не лучше тулупа, потому как был достаточно старым.

У Пелагеи стояла горячая вода, поэтому Ирину быстро отправили в ванную отогреться. Воды хватило только на то, чтобы пропарить ноги. К счастью, Ирина себе ничего не отморозила.

Когда она переделась в сухое и вышла в кухню, там за столом сидел Иван Иванович, которого Пелагея поила чаем, и они продолжали разговор, начатый до прихода Ирины.

— Вот так теперь мы и живём, Иван Иванович, — закончила фразу Пелагея.

— И что, совсем не выходит? — спросил Картузов.

— Это вы о ком? — поинтересовалась вошедшая Ирина и поспешила остановить Картузова, который попытался встать с её появлением. — Сидите, сидите, Иван Иванович, я тоже присяду.

— Да про батюшку вашего рассказываю, барыня. Совсем ведь человек себя губит, — Пелагея достала платок и промокнула глаза.

— Плохо дело, когда у человека нет интереса никакого, — проговорил Картузов, прихлёбывая чай из блюдца.

Ирине было интересно, чем занимается помещик, и она решила воспользоваться его фразой:

— А у вас какой интерес, чем вы занимаетесь, Иван Иванович?

— Да понятно, чем. Несколько деревень пашут, сеют, а вот мой сердечный интерес — это литейная мастерская.

У Ирины даже руки задрожали от радости. Надо же, какое совпадение, ведь только с утра думала о том, что нужна литейка — и вот, пожалуйста!

Вслух сказала:

— Надо же, как интересно — литейная мастерская! А что вы там льёте, по какой техн... Как это происходит, можно ли будет посмотреть?

И как любой человек, с которым начали говорить о его

любимом деле, Картузов улыбнулся и добродушно ответил:
— Отчего нельзя, конечно можно! Вот завтра и приезжайте, может, батюшку вытащите. Когда-то ведь мы с ним дружны были, — на этих словах Картузов загрустил.

Потом он засобирался. Уже на выходе повернулся к Ирине и сказал:

— Ирэн Леонидовна, если что надо будет, сообщите, не стесняйтесь, — и ушёл.

— Хороший мужчина, — сказала Пелагея, когда за помещиком закрылась дверь. — Только чудной.

— Почему чудной? — удивилась Ирина. Ей как раз, наоборот, было очень комфортно общаться с Картузовым, который если и знал историю, произошедшую с дочкой Лопатина, то ни словом не дал понять об этом.

— Все деньги ведь на свою литейную мастерскую тратит, — укоризненно заметила Пелагея. — Вот поедете к нему завтра, увидите, везде у него руда, всё завалено. Я вот слышала, что супружница его иногда сильно ругается. А дети из столицы вообще редко приезжают.

Перед сном Ирина пошла к мальчикам. Она ещё не видела, где они всё время прячутся, и обрадовалась, когда поняла, что у мальчишек в комнате достаточно чисто.

«Наверное, Пелагея постаралась», — с благодарностью подумала Ирина.

Помещение было просторным и хорошо протопленным, у каждой стены стояло по кровати. В соседней комнате была

устроена игровая и учебная. В одной половине стоял большой стол, которого явно хватало на двоих, в другой — раскиданы какие-то деревянные детали. На полках, приделанных к стене, лежал настоящий барабан и деревянные мечи или сабли.

Мальчики уже были в кроватях. Ирина подошла к каждому, поцеловала в лобик, отметив, что головки чистые, и подумала, что надо бы им книжку почитать или сказку рассказать. Но сегодня у неё уже сил не было, поэтому она пожелала братьям спокойной ночи и пошла к себе.

— Вот спасибо Пелагее! — комнаты Ирэн тоже были отмыты, бельё на кровати явно было чище, чем то, на котором Ирина спала в первую ночь.

Настроение сразу поднялось, да ещё согревала мысль, что завтра она увидит литейку, и тогда можно будет начать делать то, что принесёт доход. Может, и отец Ирэн с ней поедет, всё-таки — к старому другу.

Утром Ирина не смогла встать. Глаза не открывались, горло саднило нещадно. Голова раскалывалась от боли.

Она лежала, и от злости на ситуацию у неё текли слёзы. Всё-таки заболела!

«Вот же ты, Ирэн, тушка рыхлая, иммунитета никакого. Ой, как же плохо-то!» — думала она и злилась.

Вскоре прибежала Пелагея.

— Ой, батюшки, барыня, вы же вся горите, никак лихо-

радка. Ой, доктора бы надо!

Ирина попыталась встать, но Пелагея не дала.

— Лежите, лежите, сейчас я Афанасия снаряжу, поедет в город за доктором, — голос у Пелагеи был испуганный, видимо, лихорадки тут боялись.

Доктора привезли через три часа. Ирина к этому времени успела вспотеть после отвара, которым её напоила Пелагея. Вкуса она не чувствовала, но, похоже, это была малина.

Доктора она слышала ещё из коридора:

— Вы понимаете, что если вы меня просто притащили к нервической дамочке, то я всё равно с вас возьму полную плату? У меня там настоящие больные без помощи, — раздавался громкий бас.

Ирина уже представила себе такого пожилого, в очках, толстого, грузного дядьку в белом халате. Но доктором оказался достаточно молодой, не старше тридцати, как показалось Ирине, человек. Ростом высокий, не худой, скорее, жилистый, с длинным худым лицом, на котором был выдающегося размера и длины нос. Одет мужчина был в двубортный камзол с коротким, до пояса, верхом, открывающим светлые брюки из какого-то тёплого материала. Сзади камзол был длинным, почти до колен.

«Надо же, местный Сирано*, да ещё и модник. Вот интересно, он руки-то помыл?» — сквозь пелену головной боли подумала Ирина.

**(Сирано де Бержерак — герой пьесы Эдмона Ростана)*

«Сирано де Бержерак». Имя Сирано стало нарицательным для обозначения человека с огромным носом).

Доктор был серьёзен, видимо, специально, чтобы казаться старше. Посмотрев на Ирину и оценив её замученный вид, заговорил неожиданно доброжелательно:

— Путеев Николай Ворсович, глава уездной больницы. Сейчас посмотрим, барышня, что с вами.

Вместе с доктором в комнату вошёл и отец Ирэн. Выглядел он всё таким же неаккуратным стариком, но был одет в камзол и брюки. На лице у него замерло выражение тревоги.

«И как он будет меня осматривать? Как они вообще раньше делали осмотры?» — вяло подумала Ирина.

Всё оказалось гораздо прозаичней. Доктор взял её за руку и нащупал пульс, после помог приподняться и занять сидячее положение, слегка наклонив Ирину вперёд, после чего прислонился ухом к её спине.

Наконец, Ирина услышала стандартное и до боли знакомое:

— Дышите, вдохните глубже, задержите воздух, выдыхайте, дышите обычно.

Ей было неприятно, что к её влажной от пота спине, пусть и через плотную сорочку, в которую её передела Пелагея, прислоняется молодой мужчина.

«У них что, нет стетоскопа?» — предприниматель внутри Ирины «потёр руки».

Она, конечно, слабо себе представляла, как сделать эту

трубочку. Но кто же в детстве не играл в Айболита и не пользовался детскими деревянными или пластмассовыми трубками-стетоскопами? Ирина вот играла, и подумала, что сделать деревянную трубочку, может быть, и несложно.

Наконец, доктор отпустил Ирину, и Пелагея помогла ей снова откинуться на подушки. А доктор улыбнулся, отчего лицо его вдруг стало почти юным, и сказал:

— Грудной болезни нет, я не услышал. А вот сильнейшая простуда есть, надо лечить. Я вам, сударыня, выдам порошки, будете разводить и пить три раза в день.

Ирина нашла в себе силы спросить:

— А что за порошки? — и удивилась, что голос хрипел как у курильщика со стажем.

— А вы, сударыня, в медицине разбираетесь? — снова сделал строгое лицо Николай Ворсович. — Ваше дело пить порошки и выздоравливать, — совсем уже постным голосом произнёс он.

Ирина подумала: «Ну погоди, двоечник, вот поправлюсь — я к тебе со стетоскопом приду, тогда посмотрим, кто из нас в медицине разбирается!»

Но вслух ничего не сказала. Решила, что кровопусканием не занимаются — и то хорошо!

— Если вы так переживаете, то это хина с серебром, очень эффективное средство от лихорадки, — перед тем как уйти, доктор всё-таки снизошёл до ответа.

— Главное, что не свинец, — прохрипела Ирина, заслу-

жив странный взгляд от Путеева.

Доктор собрался, и перед тем как окончательно попрощаться, сказал, чтобы его просто так не вызывали, если только совсем худо будет. А по выздоровлении попросил приехал к нему в уездную больницу на осмотр.

Вместе с доктором из комнаты исчез и отец Ирэн.

«Так странно, — думала Ирина. — Вроде равнодушен к судьбе дочери, или это Пелагее удалось его заставить поехать за доктором?» — с этими мыслями она и провалилась в тёмный тяжёлый сон.

Ей снова снилась Ирэн. Она находилась в той комнате, где Ирина впервые увидела её, когда той принесли письмо. Но в этот раз Ирэн сильно плакала и кричала на мужчину. Лица мужчины видно не было, он стоял вполоборота, но и профиль его сложно было рассмотреть. Высокий блондин, на нём была военная форма, ну или что-то очень похожее.

Лицо Ирэн некрасиво покраснело, но она не делала попыток успокоиться. В конце концов, видимо, мужчине надоело, он развернулся и вышел, а Ирэн схватила со стола стоявшую там красивую вазочку и бросила её вслед ушедшему мужчине.

Глава 6

Москов. Кремль

— Я их ненавижу! Старые ослы! — император еле сдерживал возмущение.

Александр III был человеком молодым. Родители не готовили его к трону, он был вторым сыном императора Романова и готовился к военной службе. Но его брат Николай, первенец императора и наследник престола, во время путешествия по заграницам заболел и скоротостижно скончался. Поэтому Александру пришлось резко менять образ жизни и переучиваться.

Гибель родителей в результате теракта стала для Александра трагедией не только как для сына, но и как для человека, которому пришлось взвалить на себя ответственность за огромную империю в двадцать шесть лет. Самому Александру пришлось срочно жениться, причём женился он на бывшей невесте брата, данцигской принцессе Деймаре, в Стоглавой получившей имя Мария.

Но несмотря на обстоятельства их женитьбы, в браке Александр был счастлив, жену свою и детей нежно любил, и она отвечала ему тем же. Марию не интересовала власть, но она была от природы ревнивой и постоянно ревновала мужа, хотя поводов ей он не давал, наоборот, старался лишний раз порадовать жену, советовался с ней и прислушивался к её

мнению.

Внешностью император пошёл в мать, роста был среднего, лицо круглое и улыбчивое. Он был ровесником барона Виленского, тоже тридцать четыре года.

У человека, плохо знакомого с императором, могло возникнуть ощущение, что он довольно мягок на характер, но на самом деле император Александр был настоящим политиком — умным, проницательным и жёстким, когда это необходимо.

Только что закончилось заседание Государственного Совета Стоглавой империи. Барон Сергей Михайлович Виленский делал доклад на тему изменения государственной системы образования. Сейчас к техническому образованию допускались только дворяне, но барон верил, и император его поддерживал, что Стоглавая империя теряет много талантов и среди крестьянских детей.

Главный противник Виленского, князь Ставровский Константин Петрович, ухмыляясь в ответ на речь барона, саркастично высказался:

— Сейчас мы их научим, а потом они к нам свататься придут... Вы бы лучше, барон, в семье порядок навели, а потом на государство посягали.

— Это ведь он специально сказал, — продолжал говорить Александр, когда он и Сергей Виленский вышли из зала Совета и перешли на закрытую территорию Кремля, где находились личные покои императора и его семьи. — Специаль-

но, чтобы лишить тебя преимущества! Вот же паук, и половину Совета за яйца держит. Все сидят и вякнуть боятся, при отце он так себя не вёл.

— Твой отец, Алекс, во многом потакал Ставровскому. Вспомни, он тоже не поддерживал реформации, — барон старался говорить спокойно, но внутри тоже всё кипело. Хотелось вернуться и набить морду Ставровскому.

— Надо тебя женить, — вдруг сказал император, и Виленский удивлённо застыл, не понимая, что могло привести всегда разумного Александра к такому выводу.

— Мы подберём тебе невесту, за которой будет стоять фигура не меньшая, чем князь Ставровский, и «прижмём» паука. Пусть тогда попробует насмеяться! — Александр довольно улыбался, найдя, как ему казалось, шикарный выход. Он был другом Сергея Виленского ещё с детских лет, но в большей степени он был императором, и сейчас хотел, чтобы друг стал сильнее, потому как это усилит и его личную позицию.

— Алекс, я не готов...

— погоди, не отказывайся. Походишь полгода в помолвке, привыкнешь к этой мысли, да и, может, девица тебе понравится.

— Но, Саша...

Император не хотел слушать никаких но, и барон получил список девиц и приказ до конца недели определиться с кандидатами.

Только на пятый день Ирина проснулась и поняла, что у неё ничего не болит. Она кряхтя выбралась из пропахшей потом кровати, накинула халат, валенки, которые появились у неё в комнате, после того как помещик Картузов принёс её всю мокрую домой, и побрела вниз. Ей хотелось вымыться, ну или, на крайний случай, просто умыться.

Спускаясь по лестнице, Ирина обратила внимание на то, что стало гораздо чище и даже светлее. Откуда-то снизу раздавался голос Пелагеи, которая командовала, как генерал на плацу:

— Вы трое — на чердак! Разобрать и вымыть. А ты давай иди баню заканчивай! Вот барыня выздоровеет, она с вами разберётся со всеми, ишь, лентяи!

Ирине даже весело стало, так уверенно от Пелагеи прозвучало, что «барыня со всеми разберётся». Пришлось соответствовать.

Как могла, она выпрямила спину, сделала «переговорное» лицо и степенно стала спускаться по ступеням. Вынырнувшие со стороны кузни три бабы с вёдрами даже отшатнулись и стали сгибаться в поклонах, когда увидели Ирину.

«То-то же, — подумала она. — Видимо, нельзя здесь быть добренькой, только «кнут и пряник» вместе работают, а доброту за слабость воспринимают».

Насколько Ирина помнила из истории и произведений того же Чехова*, люди сопротивлялись жестокости, а строгость

ценили, доброту воспринимали как слабость, и часто это приводило к трагедии. Кто похитрее, начинали обманывать, и в результате разочарованный помещик был вынужден или применять наказание, или получал разорение, как в рассказе Чехова «Моя жизнь».

Ирине даже запомнилась такая фраза: «Пока наши отношения к народу будут носить характер обычной благотворительности, до тех пор мы будем только хитрить, вилять, обманывать себя, и больше ничего. Отношения наши должны быть деловые, основанные на расчёте, знании и справедливости». **

**(Имеется в виду Антон Павлович Чехов, русский писатель).*

*** (Ирина сильно сокращает фразу из рассказа А.П. Чехова «Жена»).*

В этой реальности ещё существовало крепостное право, и Ирина пока не разобралась, что и как. Но в тех двух деревнях, которые принадлежали её отцу, жили крепостные помещика Лопатина. Одного Ирина не могла понять: как, имея две деревни на сто пятьдесят душ, можно было довести себя, семью и дом до состояния практически нищеты, с точки зрения аристократии? И с этим ей предстояло разобраться.

Пелагея, увидев её, опять захохала и засуетилась. Кроме Пелагеи, на кухне была ещё одна женщина помоложе, одетая чисто, с приятным, чуть полным лицом и румянцем на щеках. Волосы женщины были убраны под платок.

— Это наша кухарка теперь, Акулина, — представила новое лицо Пелагея.

— Ой, да скажешь, тётя Пелагея! Какая же я Акулина? Акулька я, барыня, — заулыбалась Акулина, и щёки её покраснели ещё больше, и на них появились ямочки.

На кухне вкусно пахло, и это подсказало Ирине, что с Акулиной Пелагея не ошиблась.

Пока Ирина болела, Пелагея с её предыдущего одобрения и выданных денег развернула бурную деятельность по ремонту и уборке дома. Наняла слуг, девок для работы горничными, кухарку, конюха, прачку, швею, дворовых мужиков. Мальчишкам справила новую одежду, да и одежду для слуг обновили. Оказывается, раньше в поместье Лопатиных у слуг в доме была «служебная» одежда, которая за ненадобностью валялась в кладовке, откуда Пелагея её и вытащила.

Когда после сытного и вкусного завтрака Пелагея отчитывалась Ирине, та поражалась, сколько же энергии в этой немолодой женщине.

«Да, непроста ты, Пелагея», — задумалась Ирина и вздрогнула, когда услышала, что та только что ей сказала про какие-то налоги.

— Какие налоги? За что? — спросила Ирина.

— Так вот бумагу привезли, пока вы болели, барыня, — ответила Пелагея и передала Ирине плотный лист, на котором было довольно много написано с какими-то завитушками.

Присмотревшись, Ирина разобрала, что язык русский, но слишком много букв в словах, словно специально добавленных, чтобы из них завитушки выкручивать. Но самое важное она поняла, как только увидела, и это была цифра в пятьдесят золотых монет, под которой стояла гербовая печать с изображением короны. Позже Ирина выяснила, что налог этот был подушный, за каждого принадлежащего крестьянина требовалось оплатить. Расчёт включал разные суммы за взрослых и детей, за семьи и за бездетных.

Пока у Ирины не было ни сил, ни желания с этим разбираться, но мысль, а не слишком ли большая сумма, ей в голову пришла.

— Пелагея, сколько у нас денег осталось из того кошелька?

— Много, барыня. Я и Емельке на зерно выдала, как вы сказали, на уборку и слуг немного потратила, доктору заплатили. Вот всё записано, — с этими словами Пелагея протянула Ирине тетрадку, в которой действительно были записаны все расходы.

Оставалось сорок золотых монет. Нужно поискать, что можно продать, чтобы заплатить налог, а там дальше постараться заработать. Но и жить на что-то надо.

— А отцу говорила? — вспомнила Ирина, что она вроде как не одна здесь барыня.

Пелагея виновато опустила глаза.

— Не гневайся ты на него, барыня, больной он человек, добрый, но не может он. Я сказала — как не сказать? Так он

заперся и цельный день ничего не ел, а потом вынес мне коробку и сказал, мол, отдай Ирэн, пусть продаст, — она вздохнула, посмотрела на Ирину и, хитро улыбнувшись, продолжила: — Давайте, барыня, чего-нибудь сообразим. Вы же вон какая стали, умнее всех. Да ещё девки намеренно чердак начали разбирать, пойдёмте я вам покажу, чего они нашли. А потом, что батюшка ваш дал, глянем.

В столовой зале — отмытой и прогретой — стало очень уютно. Сама зала была небольшой, но три окна в пол, выходящие на веранду, из которой открывался вид на большую лужайку за домом и небольшой лесок, делали её совершенно потрясающе уютной и волшебной.

Уборка в зале ещё не была закончена. Пелагея сказала, что гардины на окна не просохли и не отремонтированы.

На большом овальном столе лежали три вещи. Ирина подошла поближе и ахнула. На столе стояла... малахитовая шкатулка. Размером шкатулка была с голову человека, небольшая, но главное было не в размере и даже не в великолепной красоте явно цельного куска малахита, а в том, что сверху на шкатулке была бриллиантами выложена фигура ящерицы, и ящерица переливалась словно маленькое солнышко.

Рядом со шкатулкой лежала красная бархатная подушечка, а на ней — серьги и кулон. Серьги были огромными, с красным камнем, внутри которого, словно огонь, играли блики. И такой же камень был в кулоне.

— Что это? — тихо, почти шёпотом, словно боясь, что огонь потухнет, спросила Ирина.

— Это то, что батюшка ваш отдал. Серьги вашей матушки с огненными рубинами, очень дорогие, — так же шёпотом ответила Ирине Пелагея.

Ирина стояла, смотрела на эту красоту и понимала, что ни шкатулку, ни серьги с кулоном ей не хочется продавать.

— А можно их в залог отдать, а потом выкупить? — спросила Пелагею.

— Не знаю, барыня. Но если и можно, то надо к ювелирам съездить поспросать, заодно и приценитесь.

— А когда деньги от барона Виленского придут?

— Так только в начале следующего месяца, не раньше.

Ситуация складывалась такая, что требовалось ехать в уездный город Никольский и идти к ювелиру. Ирине всё равно надо было показаться доктору, и она решила совместить, тем более что карету подремонтировали, и кучер, он же конюх, есть.

«С удобствами поеду», — подумала Ирина.

С Пелагеей решили вместе ехать. Кучеру дали задание подготовить и прогреть карету на утро следующего дня. Но у судьбы снова были свои планы.

Утром, когда Ирина уже надевала шубку, чтобы выйти из дома и сесть в карету, двери распахнулись, и в дом вошла бедно одетая девушка, а на руках она держала ребёнка, закутанного в тулупчик.

— Здрaвы будьте, барыня, а вот и мы с Танюшей к вам,
— устало улыбнувшись и попытавшись поклониться, сказала она.

Глава 7

— Здрaвы будьте, барыня, а вот и мы с Танюшей к вам,
— устало улыбнувшись и попытавшись поклониться, сказала девушка.

Ирина обернулась на голос, девушка явно её знала.

— Здравствуй... — на этом Ирина замялась, рассчитывая, что девушка подскажет ей своё имя.

— Глаша я, барыня, запоматовали? — стоять ей было не очень удобно. Ребёнок, завёрнутый в тулуп, хоть и сидел тихо, но, видимо, был тяжёленьким.

— Да ты садись, Глаша, — Ирина решила сначала помочь девушке, а потом уже разбираться.

Подошла и взяла у неё из рук ребёнка. Тулуп свалился на пол, и Ирина увидела, что это девочка, примерно годовалая, может, чуть больше. На ней было тёплое платье из дорогого материала с красивой отделкой.

У Ирины не было своих детей, и что с ними делать, вот с такими малышами, она себе не очень представляла.

— Хорошо, что я до вас добралась. Барыня-то денег совсем не дала, двадцать медяшек отсыпала, да на телегу нас посадила до ближайшей заставы. А холод-то какой, думала, не довезу Танюшу, — Глаша скинула платок, и Ирина увидела, что та сама ещё совсем девочка, лет четырнадцати-пятнадцати.

Пелагея, которая вышла в холл, напряжённо застыла, увидев Ирину с малышкой на руках и девчонку в крестьянской одежде, сидящую на стуле.

Возникло страшное подозрение, но она всё ещё не верила, что так влипла, поэтому спросила:

— А что за барыня такая жадная?

— Так сама Елизавета Петровна. Приехала давеча в деревню, да и говорит, что надо тебе, Глаша, к матери дочь отвезти, нечего ей здесь без неё делать, — на этих словах у Глаши выступили слёзы. — Вот как же так, она ведь ей тоже, чай, родная, а она её на мороз?

— А где мать-то? — спросила Пелагея, заслужив благодарный взгляд со стороны Ирины.

Глаша испуганно посмотрела на Ирину, потом на Пелагею, но нашла в себе силы и почти прошептала:

— Так здесь, Ирэн Леонидовна... Вы что, это же Танюша, ваша дочка...

У Ирины закружилась голова. Вот никогда она в обморок не падала, и всегда было интересно, каково это, в обморок упасть. А сейчас была на грани.

Что?! И это она? Да что же это за баронесса была? Мужа бросила с ребёнком, да и ещё один ребёнок есть! Может, она ещё и в заговорах против императора участвовала? Ирина подумала, что уже ничему не удивится.

Пелагея непонимающе смотрела то на Ирину, то на Глашу.

— Понимаешь, Глаша, я ведь сильно головой ударилась и

болела после, и совсем не помню ни тебя, ни Танечку, ни её отца. А кто её отец, кстати? — в обморок всё-таки удалось не упасть, Ирина взяла себя в руки и решила пока есть возможность, всё выяснить.

Глаша засуетилась и вытащила из-за пазухи свёрток, передала Ирине. В свёртке были документы, метрика о рождении Татьяны Кирилловны Балашовой. В графе титул и отец стояли прочерки, матерью была указана Виленская Ирэн Леонидовна. Второй документ принадлежал Глаше, точнее, Глафире Земовой, где было указано, что её отпускают во владение баронессы Виленской.

— Так что теперь я ваша совсем, барыня. Вот буду с Танюшей вам помогать, — видно было, что Глаша расслабилась, когда выяснилось, что никто не собирается от ребёнка отказываться и выгонять их на улицу.

— Так это что, барыня, ваша дочка, что ли? — рухнув в кресло, как будто её ноги не держат, спросила Пелагея.

— Выходит, что моя, — Ирина не знала плакать или смеяться, и не понимала, что она такого сделала или не сделала в прошлой жизни, что ей вот это всё досталось.

Да, в прошлой жизни иногда приходилось быть жёсткой, особенно когда после института решила остаться в Москве, а не возвращаться к родителям в Новосибирск. Но Ирина никогда не была подлой, её и родители так учили: мама врач и отец военный, возглавлявший оперативную группу в новосибирском управлении МЧС. Не можешь что-то сделать —

так и скажи, а взяла на себя — тяни до конца.

И вот теперь, глядя на Пелагею, Глашу и маленькую девочку, от которой все отказались, Ирина поняла, что вот это и есть теперь её жизнь и её родные, и пора уже принять себя здесь. И возможно, даже перестать думать о себе как об Ирине. Теперь она Ирэн Виленская со всеми вытекающими. Но жизнь научила Ирину, что не бывает безвыходных ситуаций. Выход есть, она его пока просто не видит.

Девочка на руках у Ирины начала хныкать и вертеться, и Глаша тут же вскочила, попытавшись её забрать. Но Пелагея опередила, взяв ребёнка на руки.

Ирина решила, что сегодня они никуда не поедут, потому как и настроения нет, и надо девочку устроить. Поездку решили перенести на следующий день.

Когда девочку отмыли и переодели, оказалось, что она выглядит словно маленький ангелочек. У неё были золотистого цвета волосики, пухленькие щёчки, ножки и ручки ещё были в перевязочках. Девочка уже уверенно ходила, что-то балакала, но внятно пока ничего не говорила.

Прибежали мальчишки. Ирина их познакомила, сказала, что теперь у них есть племянница, а значит, они для неё дяди.

Мальчишки возгордились такой ответственностью, и пока Глаша вместе с приглашённой горничной разбирала малышкины вещи из мешка, который они привезли с собой, играли с Танюшей.

Утром всё же решили ехать в Никольский. С появлением в доме Танечки стало понятно, что рассчитывать кроме как на себя, больше не на кого. Ирина долго размышляла прошлой ночью и поняла, что, скорее всего, муж Ирэн не станет заботиться о чужом ребёнке. Но вот поведение любовника Ирэн было совсем непонятным.

«Интересно, — думала Ирина, — это было его решением — отправить ребёнка к Ирэн, отказавшись от него? И тем не менее фамилию свою он девочке дал, судя по документам».

Надо же, Кирилл Балашов. У Ирины в классе когда-то был парень с такими же именем и фамилией. Неплохой, нужно сказать, если бы не был мажором. Может, и здесь так же?

Мать Кирилла, по словам Глаши, графиня Балашова ненавидела Ирэн. Возможно, Кирилл просто не знает, что с его ребёнком так поступили? Надо как-нибудь аккуратно выяснить. Если понадобится открывать своё дело, например, те же спички, нужны будут средства. Может, попробовать у него занять?

Ирина думала о том, что это был бы самый быстрый способ, а уж отдать не проблема.

Сперва она хотела обратиться к мужу, но с появлением Танечки поняла, что это вряд ли возможно.

В карете с печкой внутри дорога в Никольский показалась Ирине даже приятной. Она взяла с собой Пелагею и в пути всё продолжала выпрашивать её об отце, о матери Ирэн, о

том, как живут крепостные в деревнях.

Ирину поразило, что в этой реальности крепостное право выглядело совсем по-другому. Здесь всё шло от принадлежности земли. Земля принадлежала дворянам, помещикам. Те, кто на этой земле жил, чтобы жить и работать должны были войти в общину и платить оброк и барщину. Размер определялся владельцем земли, но не мог быть выше установленного государством для этого места размера.

Так, в эту сумму входил налог, который помещик уплачивал государству за землю и за людей, живущих и работающих на его земле. Если крестьянин решал переселиться, то он должен был выплатить так называемый «пустой» налог, который составлял годовую сумму оброка. За женщину «пустой» налог был в два раза ниже, чем за мужчину.

Жизнями же крестьян владелец земли не мог распоряжаться, только через государственных инспекторов.

«Как же сильно мать любовника Ирэн ненавидела женщину, что просто так рассталась с Глашей, лишь бы отправить ребёнка прочь?» — пришло в голову Ирине.

Так за размышлениями и доехали.

Первым делом Ирина решила заехать в больницу, показаться доктору Путееву и заодно выяснить, что там со стетоскопами.

Выйдя из кареты, она увидела большое количество людей, столпившихся перед входом. Так же там стоял солдат и с ним — человек с белой повязкой, но в обычной одежде. Этот че-

ловек расспрашивал подошедших и либо кивал солдату, чтобы тот пустил, либо махал рукой, тогда солдат выпроваживал бедолагу.

Заметив Ирину в толпе — а перед Ириной шла Пелагея и громко покрикивала, чтобы её барыню пропустили — человек с повязкой, в это время что-то говоривший женщине с ребёнком, махнул рукой солдату, и тот стал прогонять несчастную.

Женщина заголосила:

— Люди добрые, помогите, дитё умирает, а энти не пускают к доктору!

В этот момент Ирина приблизилась ко входу и строгим голосом спросила:

— Что здесь происходит?

А поскольку оделась Ирина в дорогое платье, а ещё сверху накинула богатую шубку, то обернувшийся к ней человек в повязке заискивающе улыбнулся и ответил:

— Сударыня, что вы, не стоит вашего внимания...

Но Ирина перебила его и обратилась к женщине, которая продолжала стоять несмотря на то, что солдат подталкивал её в спину.

— Что у тебя случилось, милая?

Вместо ответа женщина протянула ребёнка Ирине, и та, увидев красное личико и дотронувшись рукой до лобика, поняла, что ребёнок весь горит.

— Да у него температура! — воскликнула Ирина. — По-

чему вы его не принимаете, ему надо к доктору! Посмотрите, он весь горит!

Заметив, что парень в повязке собирается ей что-то возразить, Ирина решила не давать ему этого шанса и продолжила:

— Ну-ка пропустите её! Скажете, что баронесса Виленская распорядилась. Ну, быстро!

Титул подействовал не хуже «пистолета у виска», почему-то Ирине в голову пришла именно такая ассоциация. Она ещё подумала, что хорошо, что эти люди не знают, кто такая баронесса Виленская, и им всё равно, какая у неё репутация.

Они с Пелагеей прошли вслед за женщиной с ребёнком. В больничном коридоре было темно и грязно. Ирина подумала, что болеть в этом времени нельзя. Хорошо ещё, что она порошки, которыми щедро снабдил её доктор, выкинула, а пила настои, которые ей заваривала Пелагея.

В конце коридора был всего один кабинет, и Ирина в полной уверенности, что увидит там доктора Путеева, распахнула дверь и ворвалась, намереваясь высказать тому всё, что она думает про его больницу и сотрудника.

К удивлению Ирины, в кабинете оказался не Путеев. Там было два стола, и за ними сидели два молодых парня, похожие на студентов.

— Могу я увидеть Николая Ворсовича? — голосом Ирины можно было «замораживать».

Один из сидевших за столом встал, вытянул руки по швам

и, немного заикаясь, сказал:

— Господин П-путеев в-в белом к-крыле.

Оказалось, что у больницы два входа: один для простых — чёрный, а второй для аристократов — белый. Кучер Ирины был из деревни, и куда знал, туда и привёз.

А парни действительно оказались студентами-выпускниками Нижегородского училища, работающими здесь на практике перед финальным экзаменом на доктора. «Чёрное» отделение было бесплатным, докторов не хватало, лекарств тоже, поэтому человек с повязкой, который был кем-то вроде санитаря, и отсеивал «симулянтов».

Ирина представилась и выговорила парням всё, что накопело после увиденного. Парни повинились, что да, ребёнка надо было пропустить, но развели руками, мол, работаем с теми, кто есть. Пообещали, что по очереди будут выходить и проверять тех, кого отсеяли.

Между чёрным и белым крылом был переход через второй этаж, туда Ирину и проводил один из студентов. По дороге ещё умудрился и комплиментов наговорить, на что Ирина только улыбалась и помалкивала.

В белом крыле была совсем другая обстановка. Коридор с ковровой дорожкой и лепниной на стенах смотрелся шикарно. Вдоль коридора было несколько дверей, между ними располагались небольшие ниши с диванчиками и столиками.

В одну из дверей студент постучал и, приоткрыв, доложил:

— Николай Ворсович, к вам баронесса Виленская.

В ответ раздался бас доктора Путеева:

— Баронесса, выздоровели уже? Отлично! Вот видите, а вы не хотели мои порошки пить.

Ирина подумала, что ещё неизвестно, чем бы закончилось, если бы она их пила, но вслух сказала:

— Благодарю вас, Николай Ворсович, вот приехала на осмотр.

Когда доктор снова стал слушать Ирине спину, прислонившись ухом, она не выдержала и спросила:

— А нет ли у вас такой трубочки, через которую слушают?

Сперва за спиной у Ирины образовалась тишина, потом, откашлявшись, доктор Путеев спросил:

— Вы имеете в виду *Le Cylindre**? Где вы слышали про это? Я недавно был в столице, но там есть только один, и тот у личного доктора императора.

**(Первое название устройства было обусловлено его формой «Le Cylindre». Это был цилиндр длиной 12 дюймов и диаметром 1,5 дюйма. Позже Рене Лаэннек придумал название «стетоскоп», что дословно переводится как «осматриватель груди»).*

— Да, собственно, я имела в виду трубочку, которой можно слушать дыхание, я... — на этом Ирина запнулась, потому как она не предполагала, что это такая редкость, и что стетоскопы вообще уже изобретены.

Она решила, что всё равно надо что-то говорить и необя-

зательно что-то объяснять, и продолжила:

— Я могу принести вам прибор похожий на Le Cylindre, а вы его испытаете. И если признаете годным, то поможет мне его продать.

Доктор Путеев несколько секунд молча смотрел на Ирину, потом лицо его приняло обычное снисходительное выражение, и он расхохотался:

— Ну как же это я не понял, это шутка, да?

Ирине пришлось тоже изменить выражение лица на «переговорный» вариант, и с холодом в голосе она сказала:

— Если вам не надо, то я поищу доктора, которому нужен прибор, пусть даже мне придётся съездить в другой город.

Сказала и замолчала, глядя прямо в глаза Путееву.

Через несколько секунд переглядываний Путеев сдался.

— Хорошо, сударыня, я вам верю. Допустим, у вас есть возможность сделать Le Cylindre. Как будет готов, приносите.

Ирина едва удержалась, чтобы не протянуть ему руку для пожатия. Но не удержалась от замечания по поводу того, что в чёрном крыле грязь и антисанитария, добавив, что читала о том, что чистота, мытьё рук и инструментов позволяют улучшить эффективность лечения.

Путеев ничего не ответил, снова приняв свой снисходительный вид, но и не стал шутить по этому поводу. И Ирина, забрав Пелагею, которая всё это время дремала на диванчике, пошла к карете.

Следующей остановкой была улица Ювелиров, и у Ирины было нехорошее предчувствие. Насколько она поняла, огненный рубин был большой редкостью, и работали с ним только по-настоящему великие мастера. Таких было всего два, один из них уже умер, а второй служил во дворце императора.

Но за свои личные украшения Ирина не смогла бы выручить ту сумму, которая требовалась, а здесь был шанс, что получится договориться о залоге.

Глава 8

Улица, где располагались ювелирные мастерские, была пешеходной, поэтому карету пришлось оставить на площади. Пелагее было трудно ходить по морозу, да и подустала она, и Ирина решила оставить её в местной едальне, тем более что Пелагея знала хозяина с хозяйкой. Оказывается, они и были поставщиками разносолов в поместье Лопатиных.

Улица была хорошо расчищена от снега, очевидно, что «простые» люди здесь не ходили, вдоль неё стояли фонари.

«Вот интересно, как они работают? Наверное, на масле, лампочки-то ещё точно не изобрели».

Ирина шла по улице и размышляла. Она одна, женщина, довольно молодая. Пусть не девочка, но и не убелённая сединами дама. Ещё раз посмотрела на себя: шубка выглядит дорого, из-под шубки видно платье, на руках несколько перстней, сапожки. Видно, что на карете приехала, подол платья чистый.

Насколько Ирина помнила, можно было нарваться на бесчестного человека. Э-эх, надо было хотя бы Пелагею с собой взять или сказать Путееву, что пошла к ювелиру.

В результате размышлений Ирина выбрала самую нарядную лавку с большой двойной дверью и вывеской, на которой было написано «Ювелирь Абрауз Фельдь». Перед дверью, немного попрыгивая, видимо, чтобы не замёрзнуть, сто-

ял швейцар.

«Ну не убьют же меня там», — подумала Ирина и, приняв такой надменный вид, какой только могла, подошла к двери в лавку.

Швейцар, сразу оценив внешний вид, заботливо распахнул обе створки. Ирина, гордо подняв голову, вошла в лавку.

Внутри лавка уже не казалась такой помпезной, как снаружи. Размером с привокзальный магазинчик, в который они с мамой ходили, когда ездили на садовый участок. Три небольших прилавка, расположенных вдоль стен буквой «П», и по свободной стене — два кресла и столик. Вдоль прилавков стояло несколько подсвечников, но света не хватало. С улицы окно было небольшим, поэтому в лавке было темновато.

К Ирине сразу подскочил молодой человек в чёрном удлинённом жакете, на голове у него был этакий чуб, а с боков волосы прилизаны и как будто чем-то жирным намазаны.

— Сударыня, мы счастливы вас видеть в лавке Абрауза Фельда! Только здесь вы сможете найти самые достойные вас украшения, — продавец, или кто он там, заливался соловьём.

Ирине надо было, чтобы её проводили к хозяину. Непонятно только, что там за Абрауз Фельд, немец, что ли?

— Я хочу говорить с владельцем лавки, — Ирина подумала, что если владелец такой успешный ювелир даже в таком небольшом уездном городе, как Никольский, значит он либо мошенник, либо умный человек. В любом случае, даже если

он мошенник, он же не грабитель с большой дороги. Вероятно, он попробует её обмануть, но никакого физического вреда причинить не должен. А если он умный человек, то с ним можно будет взаимовыгодно договориться.

Прилизанный молодой человек кому-то кивнул за спиной Ирины, она лишь успела заметить, что там стоял ещё один мужчина, но уже одетый в потёртую куртку. Видимо, подсобный работник. Этот мужчина прошёл в дверь, расположенную за левым прилавком, и вскоре из неё вышел... вот если бы у Ирины было настроение шутить, то она сказала бы — Хоттабыч*!

Абруаз Фельд был маленьким, тощим, смуглым и с длинной белой бородой. На голове у него красовалась круглая чёрная шапочка, очень напоминавшая маленький берет. Этакий добрый дедушка. Но Ирина не стала обманываться внешностью и решила, что с таким надо ухо держать востро.

**(Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб или Хоттабыч — джинн, один из главных героев повести-сказки «Старик Хоттабыч» (1938; книжное издание 1940), написанной Лазарем Лагиным).*

— Я Абруаз Фельд, сударыня, — слегка поклонившись, тихим, но твёрдым голосом представился владелец лавки.

— Баронесса Ирэн Виленская, — представилась Ирина, надеясь, что торговец ювелирными украшениями не собирает светские сплетни.

Судя по отсутствию негативной реакции и ухмылок, так

оно и было.

— Я бы хотела кое-что обсудить с вами наедине, — Ирина решила не светить в общем зале дорогие и редкие украшения. Ведь как часто бывает, кто-то из работников имеет каких-то мутных родственников, укажут, что вот, мол, баронесса из города домой поедет, а у неё с собой украшения — и всё, не найдут потом эту баронессу. Нет уж, бережёного Бог бережёт!

Абруаз Фельд пригласил Ирину пройти за дверь, из которой сам недавно вышел. Там находился небольшой кабинет, где стоял стол, было окно. Ювелир прошёл за стол, но не сел, пока Ирина не устроилась в кресле.

— Баронесса, и какое у вас ко мне дело? — мягко поинтересовался Абруаз Фельд.

Вместо ответа Ирина достала заранее приготовленную серьгу из набора и положила на стол перед ювелиром. Прямо на подложку из куска бархата, рассудив, что она используется как раз для того, чтобы класть на неё украшения.

Ювелир посмотрел на Ирину, тоже молча взял в руки серьгу и внимательно всмотрелся, потом потянулся за подсвечником и ещё раз посмотрел при свете свечи.

Ирина ждала, что скажет Абруаз Фельд, потому как от этого зависело, оставит ли она ему набор и будет договариваться о залоге, или скажет, что заходила оценить и уйдёт.

— Что бы вы хотели? — ещё раз спросил ювелир.

— Я бы хотела, чтобы вы проконсультировали меня,

сколько могут стоять серьги, — Ирина умела отвечать так, чтобы не выдавать лишнюю информацию.

— А у вас есть и вторая серьга? — вместо того чтобы сказать Ирине, что это огненный рубин, продолжал выпрашивать Абриаз, и это Ирине крайне не понравилось.

Поэтому она не стала отвечать и снова задала вопрос:

— Так я получу от вас ответ? Сколько могут стоять такие серьги?

Абриаз наморщил брови, пошлёпал губами и выдал, ну, с точки зрения Ирины, совсем уж непотребное:

— Оставьте мне серьгу, я получше посмотрю. Потом приедете, и я вам расскажу, за сколько вы можете их продать.

— А кто вам сказал, что я собираюсь их продавать?! — голос Ирины буквально «резал» воздух.

Глазки «Хоттабыча» забежали, и рука снова потянулась взять серьгу, но Ирина оказалась быстрее. Она схватила украшение, быстро засунула его за корсаж и встала, чтобы попрощаться с этим, ну вот точно не умным человеком. А мог бы честно заработать.

Знала Ирина такие схемы, этим промышляли и нечестные ювелиры в её мире, когда ты отдаёшь украшения с дорогими камнями на оценку или ремонт, а получаешь обновлённые, но вместо твоих бриллиантов там оказываются фианиты. А что? Блестят? Блестят. А то, что стоят в десять раз дешевле, так какая тебе разница?

Поэтому нетрудно было догадаться, что обратно она по-

лучила бы серьги и заключение, что стоят они недорого, как серьги с обычными рубинами.

— Ну куда же вы спешите, баронесса? — голос старика-ювелира показался Ирине похожим на шипение змеи. — Или вы уже не баронесса? Где же ваш супруг?

— Я пойду к другому ювелиру, который сразу мне сможет всё рассказать. Я не собираюсь ждать неизвестно сколько!

Интуиция взвыла, Ирина чувствовала, что надо выбирать-ся из этой лавки, и сделала шаг к двери, резким ударом распахнув её. Выскочила и быстрым шагом направилась к выходу.

— Задержать! — пискляво крикнул старик, но Ирина не собиралась задерживаться в этой «гостеприимной» лавке, она уже была возле двустворчатой двери.

Дорогу ей преградил швейцар, но она в своё время посещала курсы самообороны и помнила, как учил тренер Василий — ударить подло и сбежать. И Ирина ударила! Конечно, юбки смягчили удар, но мужик явно не ожидал такой подлости, и ей оставалось только оттолкнуть согнувшуюся от боли фигуру.

Ирина выскочила на улицу, но на ступеньке нога её подвернулась, и она полетела...

«Вот только сломанной ноги мне не хватало», — с ужасом промелькнула мысль, и в этот момент её подхватили чьи-то сильные руки.

Глава 9

Ирина открыла глаза, которые зажмурила в момент падения, и увидела высокого мощного молодого парня, который и поймал её.

Из дверей лавки Абураза как раз выскочил прилизанный вместе с выглядывающим у него из-за плеча стариком. Но спаситель Ирины выпрямился во весь свой немаленький рост, и они тут же убрались обратно за дверь.

— Вы не ушиблись? — неожиданно приятным баритоном спросил спаситель.

— Нет, спасибо... — Ирина поняла, что не может договорить, потому как очень стало жаль себя, и горло перекрыло. Ещё слово — и она прямо здесь, напротив лавки противного Абураза, разрыдается!

Этого допустить было нельзя, поэтому она вцепилась в своего спасителя, каким-то внутренним чутьём поняв, что он не такой, как эти уроды.

— Проводите меня, пожалуйста, до площади. Меня там ждёт карета, — дрожащим голосом произнесла Ирина.

— Павел Овчинников, — представился молодой человек.

— Ирэн Ви... — Ирина решила больше не называть себя Виленской. — Ирэн Лопатина.

— А Леонид Александрович Лопатин вам не родственник?

— Отец, — ответила Ирина и спросила: — А вы знакомы с ним?

Павел улыбнулся и ответил:

— Да, Леонид Александрович в своё время поучаствовал в моей судьбе. Благодаря ему я и стал тем, кто я сейчас.

— А кто вы сейчас? — почему-то Ирине было очень приятно услышать, что отец Ирэн помог Павлу.

— Ваш отец договорился о моём обучении, и теперь я ювелирных дел мастер, — тихо ответил Павел и виновато взглянул на Ирину.

Та, осознав, что Павлу стыдно за своих «коллег по цеху», сказала:

— Ювелир ювелиру рознь. У вас тоже есть лавка?

Павел кивнул, но почему-то покраснел, помолчал, но потом всё-таки произнёс, всё так же продолжая краснеть:

— Есть лавка, но она маленькая и в самом конце улицы. Я только неделю как мастер. Вот накопил денег и открылся.

— Так пойдёмте тогда в вашу лавку, — Ирина решила, что это судьба. Не может же вечно не везти! Вот с Павлом Овчинниковым ей точно повезло. Хороший парень.

Они развернулись и пошли в обратную от площади сторону. Пока шли, Ирина рассмотрела своего спасителя.

Павел совершенно не был похож на ювелира, скорее — на лесоруба. У него были мощные плечи, большие ладони с неожиданно длинными пальцами. Лицо открытое, крупные, «вырубленные», как с Врубелевских картин, черты лица, и

копна пшеничных волос. Парень был без шапки, да с такой копной и мороз не страшен.

Улица была небольшой, и поэтому дошли быстро. Единственный неприятный момент — снова пришлось идти мимо лавки Абрауза. Стоящий на входе швейцар проводил Ирину злым взглядом, но даже не дёрнулся, чтобы что-то сказать.

По дороге Павел рассказал Ирине, что на весь уездный город вместе с ним два ювелира. Пока Павел не был мастером, у Абрауза была монополия.

Ирина недоумённо спросила:

— А почему тогда улица называется улицей Ювелиров?

Оказалось, что до недавнего времени кроме Абрауза и Павла была на этой улице ещё одна лавка ювелира Груфиуса, но он переехал в уездный город Юрьевец. Вроде как у него дочка замуж вышла, и он поближе перебрался. Но народ поговаривал, что Абрауз посодействовал. Когда Павел решил здесь свою лавку открыть, то его тоже предупреждали, чтобы с аристократами не связывался, потому как здесь Абрауз главный. Сейчас Павел работал с серебром и полудрагоценными камнями, а с золотом — только если клиент приносил материал. Но у него пока всего один такой клиент был.

«Вот же недобросовестная конкуренция, — подумала Ирина. — Надо Павлу этому помочь, чтобы гадину Абрауза задушить. И попробовать отца привлечь, не такой уж он и безнадёжный человек».

Сначала Ирина удивилась, что её практически пытались

огрбить днём в центре города, но подумала и поняла свою ошибку. Во-первых, она пришла одна, что уже поставило её в невыгодное положение. Во-вторых, Абрауз этот общается с аристократами, значит мог слышать историю Ирэн Виленской. Сопоставил одно с другим — и вот, решил, что можно обобрать бедную женщину. Но ничего, она ещё с ним расчитается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.